

Станислав Малозёмов

**ОТКУДА Я ИДУ, ИЛИ
СНЫ В КРАСНОМ
ГОРОДЕ**

Повесть

Станислав Малозёмов

**Откуда я иду, или Сны
в Красном городе. Повесть**

«Издательские решения»

Малозёмов С.

Откуда я иду, или Сны в Красном городе. Повесть /
С. Малозёмов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-567827-0

То ли снится мне, то ли чудится? То ли сбудется, что не сбудется? «В
действительности всё выглядит иначе, чем на самом деле» (Станислав Лец)

ISBN 978-5-00-567827-0

© Малозёмов С.
© Издательские решения

Содержание

1. Глава первая	6
2. Глава вторая	13
3. Глава третья	23
4. Глава четвертая	31
5. Глава пятая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Откуда я иду, или Сны в Красном городе

Повесть

Станислав Малозёмов

© Станислав Малозёмов, 2022

ISBN 978-5-0056-7827-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Глава первая

– Что ж ты вчера так напился на дне рождения протодьякона Никифора? – протоиерей Челябинского храма святого Александра Невского Исидор нашел за алтарём в ризнице пресвитера Илию и сел на сундук, где хранилась запасная одежда священнослужителей. – Негоже зело вёл себя. Непрстойно. Отца Леонтия обидел, матом его обругал. Он того стоит, право слово. Но ты ж мог бы и другой день для такого паскудства выбрать. Да мог поговорить с ним один на один, а не при всём соборе служителей.

– Сволочь он, Леонтий этот, – мрачно огрызнулся Илия. – Три иконы продал каким-то козлам московским надясь. Неверующим вообще. Иконы старинные из запасников наших. Шестнадцатый век. Морду ему за это набить, и то мало. Государству-то плевать на нас, а то и срок мог бы получить. Шестьдесят шестой год на носу, а советская власть так и плюёт на нас, как после революции пролетариат пожелал. Бога они отменили, это додуматься же надо!

– Ну да ладно. Охальники они, в смоле им кипеть! – Илия аккуратно снял рясу, подрясник. – А вот протодьякон Леонтий шалав водит базарных прямо через амвон, куда бабам вообще восходить нельзя, да потом в комнату их тащит, которая под алтарём. Или сюда, в ризницу. И ничего, Господь ему позволяет! Гуляют тут ночами, а на сундук наш сверху кидает сволота эта три мантии, епитрахиль, чтоб помягче было, и девах этих там... Тьфу! Я раз после двенадцати зашел туда, хотел было переночевать, молился допоздна. А там разврат! Шампанское, девки голые, дым от «Казбека» и радиоло пластинку с фокстротом крутит.

– Я это всё знаю про Леонтия, – опустил глаза протоиерей. – Но ты же, Илия, посвящён, что его к нам не кто-то отправил. А вот сам Митрополит Южно-Уральский и Омский Володимир. Двоюродный брат матери его. Вот и терпим все выходки бесовские Леонтия этого. А мне куда там переть против митрополита! Глотаю всё. А что власть на нас плюёт – ладно. Хорошо хоть церкви больше не ломают и нас с прихожанами не трогают.

– Ну, так и я глотаю пока трезвый, – пресвитер переоделся в гражданское. Штаны надел, свитер, кепку, хромовые сапоги и стал Виктором Сухаревым. – Хорошо ещё, что стерпел вчера, да не отметелил его, гадёныша при сановных чинах.

– Но кто-то митрополиту донёс на тебя, – грустно сказал протоиерей и перекрестился. – А Володимир мне утром позвонил и приказал, чтобы я тебя служить направил в глубинку. В Казахстан, в Зарайск. Слово его, сам знаешь, почти Господне. Не исполнить указание не смею. Так что, не гневись. Не моя это воля. А езжай после воскресного молебна. Через три дня, получается. Сан сохраняется твой. Служить будешь в Никольской церкви у протоиерея Дмитрия. Вот твоё послужное дело да ставленая грамота на перевод в другую епархию. Бог тебе в помощь. Не обессудь уж. Так вышло.

Протоиерей перекрестил Илию трижды и, не поднимая головы, ушел. Сел Виктор на сундук и задумался. Ехать, конечно, вовсе не хотелось. Привык и к храму, и к народу служащему здесь, к прихожанам. Да родители похоронены тут, в Челябинске. От Зарайска, правда, недалеко. Можно наезжать временами.

– Значит, Богу так угодно, – вслух сказал Сухарев, собрал свои церковные причиндалы в большой баул и пошел домой.

Надо было чемодан с нужной гражданской одеждой собрать, да всякие мужские штучки вроде бритвы и боксёрских перчаток. Он ещё пару лет назад стал кандидатом в мастера спорта в полутяжелом весе, но работа в храме на тренировки времени не дала, и он занимался в спальне. Грушу к потолку прибил и мешок кожаный с конским волосом внутри. Всё это тоже как-то надо было перетащить в Зарайск.

В общем, переехал тридцатипятилетний отец Илия без проблем. Попросил прихожанина Егоркина Семёна Петровича, старого шофера маршрутного автобуса. Тот выбил себе у начальника день для ремонта и Виктора доставил до Зарайской церкви. Настоятель Димитрий сложил его документы в шкафчик, закрыл кабинет и проводил нового работника в пустую квартиру недалеко от церкви.

– Разгрузишься, так сегодня и не приходи, – сказал он хрипло. Простыл, видно. – Завтра жду к десяти. Ничего из чемоданов не раскладывай. Работать будешь не здесь. Но в нашей епархии.

Тут на окраине одного нашего района с начала текущего шестьдесят пятого года открыли новую область. Город построили потихоньку. За десять лет. Кызылдала называется. Красные степи – по нашему. Там село стояло старинное. Аул казахский. Название другое у него было. Вот прямо к нему город и прилепили. Так бы, конечно, город этот вовсе и не нужен был бы посреди голой степи.

Но рядом огромный карьер. Бокситовую руду в нём добывают. Из неё алюминий делают. Вот и решили в алма-атинском ЦК создать там областной центр. Поэтому в городе есть всё, что областной столице положено. От обкома партии до гостиницы с тремя звёздами. Ну, кто-то разрешил и церковь построить. Едут а Кызылдалу до сих пор разные люди со всей страны. Толпами. Рудоуправление большое. Ну, и городу все профессии нужны. Областной центр всё же. Был я там. В церковь ездил. Ну, людей за неделю посмотрел.

Это, скажу я тебе, вавилонское столпотворение. Неразбериха. Бегут в городок люди главным образом от бед своих, от проблем и долгов, виноватые и всё потерявшие на прежних местах. Кто от пьянки, кто по несчастному случаю. От врагов бегут, от алиментов, от милиции. Да сам посмотришь... Город раненых в душу. Поэтому церковь там – нужное учреждение. Наши священники так говорят. И работы, естественно, много. Вот там тебе и жить сколько выдержишь. Ну, иди пока. Погуляй по Зарайску. А через неделю поезжай. Тебя там встретят.

К следующему воскресенью настоятель подогнал под дом, где неделю кантовался Виктор Сухарев, грузовое такси «ГАЗ-51» с зелёной будкой и чёрно белыми квадратиками на дверях кабины. Закидали в него пресвитер с шофером три больших чемодана и баул, сели на новенькие коричневые сиденья и тронулись без спешки в путешествие длиной в четыреста шестьдесят километров по асфальтовой дороге, на которой асфальта почти не было.

Он, асфальт, распределялся островками между грунтовкой, посыпанной в один слой гравием и щебнем, потом исчезал километров на десять и появлялся уже не в виде островков, а полосами разной ширины. Они лежали справа и слева от запылённой серой глины, укатанной как просёлочные дороги. Ни весной, ни после дождя ездить по этой дороге не желательно было.

Потому, что смертельно опасно. Об этом очень доступно рассказывали многочисленные придорожные жестяные памятники, очень похожие на карликовые пирамиды. На каждом висело по несколько венков с лянными бумажными цветами.

– Эти торопились. В слякоть или по гололёду восьмидесяти кэмэ в час хватит, чтобы тебе вот такой памятник родственники на место, где ты помер, привезли, – сказал шофер Гриша. – А спешить на тот свет – большая ошибка и глупость. Жизнь и так быстрая. Только вчера вроде на санках с горки к Тоболу летал пятилетним шкетом, а уже сорок лет стукнуло. Сыну восемнадцать. Жена стала некрасивой. Мама померла от желтухи. А у меня язва желудка и зарплата такая, что и помереть не помрешь с голода, но и здоровым больше жить не получится. Ни на что не хватает. На хорошие, к примеру, лекарства. Да их в Зарайске и нет, хороших. Не Москва.

Дорога лежала прямо как широкая деревянная неструганная доска. Кончался август, сухой, с неподвижным воздухом по всей серо-желтой степи, где и глазу-то не во что было упереться. Низкая жухлая трава, похожая на плохую стрижку «полубокс», которой неумелый парикмахер испортил часть головы земной. Ехать было тряско, противно и тоскливо. Машину подбрасывало на бугорках, роняло в ямки и кидало по сторонам так, что Гриша вместе с баранкой вертелся в разные стороны, шоркаясь головой то о крепкое плечо священника, то о небьющееся стекло на двери.

Остановились передохнуть возле придорожного озера, узкого и длинного. По берегам не было ничего, кроме следов от ботинок и почти коричневых низких кустов с мелкими фиолетовыми цветками, облепившими ветки вокруг верхушек. В желтой от глиняного дна воде плавал десяток серых диких уток и один селезень, чаще всех окунавший сизо-белую голову вглубь. Видно, отлавливал плавунцов.

Разулись, опустили ноги в теплую воду, покурили, поспрашивали уток о том, как им живется тут, в пустоши унылой. Утки отвечали на голос довольно весело. Неплохо, значит, они прижились в степи, где таких озёр с жучками да рыбками – сотни.

– Вон там штук шесть больших озёр, – кивнул влево Григорий. – В них рыбу руками можно поймать. Или майкой. Карась большой, карп, окунь, щука. Ну, щуку с окунем только на блесну берут. Много народа туда ездит. Натягают мешок, оставят себе пару килограммов на уху да поджарку, а остальную на базаре продают влёт. Из города какой дурак сюда пойдёт, кроме чокнутых на рыбалке и вынужденных торговать? Зарплаты у народа в основном очень средненькие. Окраина. Бюджет дохлый. Все деньги в Алма-Ате, ну, в Караганде ещё. Шахтёрам попробуй мало платить. Башку открутят всему начальству. Народ лихой, шахтёры.

Обулись, поехали дальше.

– А что, в Кызылдалу, действительно, одни отбросы общества жить едут?

– спросил Виктор Сухарев, он же отец Илия. – Это настоятель Зарайской церкви мне сказал. Кто от чего, мол, сбегает из родных мест, переселяются здесь годок-другой, а потом или обратно рвут когти, или в большой город. Денег тут подкопят и погнают туда, где жизнь легче да веселей.

– Из отребья одни зеки условно-досрочники. Поселенцы подконтрольные. Зону им на волю меняют пораньше срока. Но воля – одно название. Только что решеток оконных нет в их общагах, – улыбнулся шофер. – А так, тот же надзор. Утром отместься, вечером тоже.

За город не выходи. Девочек в общежитие не таскай. Водки выпил – сиди в комнате, по улицам не шарахайся. Но это всё равно воля.

Это вот твои основные прихожане будут, Витя. Они на зоне почти все в Господа верить начинают. Молятся. Им в «красный уголок» иконы даже привозят. Просят зеки простить их за грехи преступные. И, блин, надеются, что он простит. А я так думаю, что мне, к примеру, кланчить у Бога хоть прощения грехов, хоть жизни при полном удовольствии и богатстве – грех и есть. Сам накосячил – сам и очищайся.

Хочешь богатым быть – сам вкалывай, чтоб аж шкура на тебе лопалась. А не дои как тёлку доброго могучего дедушку на небесах, который всех любит. Я вот в него не верю, но на жизнь не обижен. Лично для семьи и для себя как конь на борозде упираюсь. Я себе хозяин. И господь за это меня не гнобит. И я его не ругаю. Какого лешего он обязан меня вылизывать и украшать житуху мою? У него таких – целый шар земной.

– Верить, не верить – дело твоё, – Виктор перекрестил шофёра. – Но грех свой сам не искупишь сроду. Многие думают, что можно. А нет! Если ты после плохого сделал что-то хорошее, то плохое прежнее этим хорошим ты как простую карту козырем не перебеёшь. Грех остается. Совершаешь ты его руками да мыслями, а лежит он камнем на душе. И к душе твоей доступа даже у тебя самого нет. Только у Создателя. Или у Сатаны.

И отпустить грех, очистить душу твою может только Господь через священнослужителя. Для этого есть исповедь. Исповедуйся сокровенно, честно, Бог через меня, например, с тебя его снимет. Причём Сатана слабее и помешать не может. Но ты иди потом и впредь не греши. Иначе в следующий раз Господь прогневается, да и пошлёт тебе вместо прощения пару-другую испытаний дополнительно. А у нас их и без того – девать некуда

– Это да... – согласился Гриша. – А неверующим он грехи не отпускает?

– Сейчас даже многие священники сами толком не понимают, что такое исповедь, а что – Таинство Покаяния, – Сухарев протянул руку к Гришиному сердцу – А это не правильно. Пересказать свои грехи, раскаяться в них, попросить совета у священника о том, как дальше жить со своими грехами, может каждый человек, даже некрещёный и неверующий. Но над крещёным христианином по окончании исповеди священник читает разрешительную молитву, которая и является отличающей чертой исповеди от Таинства Покаяния.

– Только после этой молитвы Господь разрешает снять с кого-то через священнослужителя грех. Над атеистами, некрещёными и принадлежащими к другой вере, молитва эта не читается. Священник примет исповедь, даст совет неверующему, но разрешительную молитву над этим человеком он прочтет только после того, как тот примет Крещение. И вот только тогда грех Всевышний отпустит.

– Сложно, – задумался Григорий. – Но заставить себя поверить в Бога – это же фигня полная. Это же невозможно. Вера должна сама прийти, найти тебя и Бога в тебе. А ко мне вера не идёт пока. Не нашла меня. Буду с грехами жить. А ты, Витя, видать, безгрешный как младенец? Вы ж там сами друг другу всегда исповедуетесь и молитвы читаете разрешительные. И душа ваша чистая да непорочная... Хорошо вам, попам.

– Нет и среди нас безгрешных, – Сухарев засмеялся. – Такие же люди. Такие же страсти. А от страстей грехи, ясное дело. Каемся, исповедуемся, снова грешим, потом опять исповедуемся. Запомни, что безгрешный священник – это неправда. Просто мы знаем, как не совершать смертных и тяжких грехов. И не совершаем. Хоть это хорошо.

Дальше целых сто километров ехали молча. Думали. Может о Боге, может об отвратительной дороге. Или вообще о другом. Неизвестно. Подумать всегда есть о чём. Особенно, когда много не тронутого суетой и заботами времени.

Кызылдала стала прорисовываться из жиденьких облаков, ползущих по горизонту, километров за пятьдесят до первого здания. Слева от него, похожие на сильно уменьшенные египетские пирамиды или скошенные вбок горбы старых верблюдов, торчали над линией горизонта красно-бурые холмы. Когда сквозь марево степное прорезались и другие дома, Виктор Сухарев удивлённо присвистнул. Они были бледно-красные, почти розовые.

– Бокситовая пыль от карьеров, – пояснил шофёр Гриша. – Когда ветер летит с севера, он с холмов хватается породу, в воздухе перетирает её в пыль и почти всю кидает на город. Потому там всё одного цвета – грязно красного или буро-розового. Черта с два поймёшь. Сперва дома красили желтым, голубым и белым. Но когда они все стали одинаковыми, красноватыми и рыжими, красить перестали. Дожди размывают пыль и она становится липкой, вязкой как глина.

Тогда весь город переобувается в резиновые сапоги. Возле любого и каждого подъезда перед домами – корыта жестяные. В них отмывают сапоги, а уже внутри здания, если это место работы, достают из сумок ботинки или туфли. А в жильё всегда сапоги перед дверью снимают. Дома первыми тапочки стоят в прихожей. Смешно только со стороны. А те, кто в пыльной Кызылдале живет, воем воеют от такой напасти. Автобус в городе один и маршрут один. Потому как всего две продольных улицы и шесть поперечных.

Город с разбега переплюнуть можно. Вот... Все, значит, ходят пёхом. А ты пройди по этой липучке пару-тройку километров! Пытка! Как водолаз с металлическими ботами бредёшь и добытчиков алюминия материшь. Хотя не со зла же они холмы эти насыпали. Да и ветер не враг.

Но в общем выходит, что женщинам в плохую погоду на свою работу ходить – это только свои красивые ножки губить. Идешь как с гирями на ногах. А летом и в сухой день окна не откроешь. Ветер в степи почти всегда. С полов, со стен да мебели ототри потом эту ржавую пылюку! Водой нельзя. Такая слякоть будет, что ничем её не уберёшь. Вроде пустяк, да? Мало мы пыли видели?

Так нет! Бокситовая порода в виде пыли – это первая беда городская. Про остальные сам знаешь. Их тут штук пять основных.

Километров за десять до города дорога выровнялась и стала полностью асфальтовой. Прямо-таки шоссе для автогонок. Потому и долетели Виктор с Гришей до первой улицы. Не доехали на колёсах, а на крыльях невидимых донеслись.

– Вон церковь твоя, – показал шофер на три рыжих купола с очень большими бурыми крестами. Торчали они за домами на другой стороне небольшого Кызылдалы. На окраине.

– Ну, советская власть у нас к Господу без особого уважения. Слава Богу, что вообще её тут построили, – Виктор смахнул с волоса уже попавшую в кабину красноватую пыль. – А ведь сколько их повалили, прости Господи! В Челябине до революции, старики говорили, было девятнадцать храмов. Сейчас шесть. В Зарайске, отец Димитрий сказал, было девять. Осталась одна к шестьдесят пятому году.

– Что Господь коммунистам плохого сделал – никто не знает. Лепечут что-то вроде как «религия одурманивает сознание советского человека. А у него идеал не Бог, которого никто не видел, а коммунизм. Поступь его всем видна и слышна». Во как! А кодекс строителей коммунизма, считай, полностью списали с православного пространного нашего Катехизиса. Только вместо веры в Бога и в благодать молитвы там у них вера в Ленина и светлое будущее. А как и в конституции – вся главная добродетель взята из Катехизиса того же, да из заповедей Божьих. Ну, против власти нам переть, как против стены Кремлёвской. Слава Богу, священников расстреливать перестали, да в тюрьму не кидают почём зря.

Встретили пресвитера Илию в церкви с душой. Протоиерей Автандил со свитой показал ему все иконы. Потом помолились всем коллективом Святой Троице и Матери Божьей. Автандил окропил Илию святой водой и прочёл молитву «Отче наш». После чего священнослужители в торжественных облачениях, со священными предметами, напрестольными крестами, копием, лжицей, провели отца Илию в алтарь через Царские врата, невидимо сопровождаемые ангелами Божьими. И с того момента стал иерей Илия служителем Новотроицкого храма божьего. Деревянной церкви площадью более трехсот квадратных метров и высотой в двадцать пять метров, считая с верхнего креста.

После всех положенных процедур пошли Илия с Автандилом в кабинет настоятеля, где отдал новый священник послужное дело да ставленую грамоту на перевод в другую обитель, выпили за здоровье по рюмке вишнёвой наливки и протоиерей сказал, переодеваясь в мирскую одежду, в костюм с серой полоской, остроносые модные ботинки и тонкую голубую рубаху с однотонной синей вышивкой вниз от воротника.

– В миру зовут меня Алексеем Ивановичем Морозовым. Я из Ставрополя сам. Прогнали меня. За то, что не согласен был с отношением к прихожанам самого протоиерея Евстафия. Груб он был с паствой и горделив чрезмерно. Год я изъяснял недовольство при всех священниках. Ну, он и обозлился. Служил я там простым иереем как и ты. А сюда назначен с высшим саном. Жить будешь, Виктор, сначала в гостинице нашей. С полгодика. Мы оплачиваем проживание и питание. А с жалованием твоим завтра порешим и установим. Не обидим. Номер твой в гостинице – триста двадцать третий. Ступай, отдыхай. Завтра поспевай к заутренней.

Алексей, ровесник Виктора, обнял его на прощанье. Сказал, что Господь милостив будет к новому священнику. Помолился на лик Христа, поклонился и пошел к притвору. А Виктор вышел на улицу. Шофер Гриша спал, уронив голову на руль. Они поехали в гостиницу, устроились, перекусили в буфете, да Григорий заторопился.

– Ночью мне километров сто сорок надо проскочить. А это почти цирковой аттракцион. Как хождение по канату. Дорогу-то сам видел. Я десять лет рулю, но ночью эту дорогу побаиваюсь.

Виктор Сухарев спустился к дежурной на первый этаж, узнал где в городе междугородный переговорный пункт. Оказалось, что через дом всего. Три часа он ждал пока соединят Кызылдалу с Челябинском и полчаса разговаривал с Марией, супругой.

– Боюсь я, Витя, к вам ехать, – сказала жена. – Ни кола, ни двора. Да и в Горпромторг заместителя директора вместо меня уже две недели найти не могут. Но до сентября приехать всё одно надо. Мишке в седьмой класс уже идти. Лучше сразу в новую школу. Чтобы не посередине четверти. Везде же по-своему преподают. Ещё отстанет от основной массы. Нагонять потом – травма ребёнку. Узнай, что за школа там. А квартиру когда дадут?

– Насчёт квартиры не было разговора пока. Но вряд ли ждать заставят, – Виктор говорил спокойно и уверенно. – Давайте, собирайтесь потихоньку. Звонить буду каждый день вечером. Целую. Мишке привет.

В номере он включил телевизор. Гнали какой то узбекский фильм. Детектив. Милиция на трёх мотоциклах гналась за кем-то с включенными фарами по пустым улицам.

– Новая жизнь ... – сказал он вслух. – Хорошо хоть Господь тот же и все молитвы верны и правы что в Челябинске, что в этом убогом земном уголке. Ничего. С Божьей помощью да осилим перелом в судьбе.

Он улыбнулся, прилёг на кровать, хотел угадать, поймают милиционеры преступника или упустят. Но не успел. Задремал незаметно и уснул крепко.

Как после трудного боя проваливаются в сон усталые измученные солдаты.

2. Глава вторая

Степную осень Виктор Сухарев в шестьдесят пятом году перенёс впервые в жизни, причём именно «перенёс». Как тяжелую гриппозную инфекцию.

В его родном Челябинске с сентября по декабрь только мелкий тихий дождик да снег ранний немного отвлекали население от наработанного ритма жизни. А в городе не было больших луж по причине правильной укладки асфальта и тротуаров с ливнёвками. Излишки воды сразу исчезали в подготовленных для этого местах и резиновых высоких сапог в городе вроде бы вообще никто не имел. Дожди не мучили население неделю подряд, а снег мгновенно расчищали работяги горкоммунхоза тракторами с крутящимися проволочными мётлами, лезвиями грейдеров и деревянными лопатами.

Дворников, молодых и крепких студентов, которым стипендий для жизни было мало, трудилось столько, что из них можно было при надобности сколотить добавочно ещё с десятков сборных города по вольной борьбе или тяжелой атлетике. Они чистили дворы и улицы от мусора да листьев с невероятной скоростью, незаметно, ночами длинными. И челябинцы искренне верили, будто ни окурка никто не бросил ни разу мимо урны, ни фантика от конфетки, будто и листопада долгого просто не бывает, а все берёзы, тополя, липы, осины, клёны и вязы договариваются и скидывают листву ночью двадцать пятого октября.

Причём двадцать шестого числа до начала рабочего дня Хозяйка Медной горы – прекрасная и холодная, как её царство, одним махом волшебного рукава малахитового своего платья выметает листья в ущелья близких таинственных гор Уральских, где они всю зиму кормят древнюю заповедную землю и готовят её к сытой весне. А она нарядится в яркие радостные цветы и спустится в города. Сказочное это место – Урал. Страна легенд, волшебников, колдунов и чудес, обнаруженных когда-то светлым человеком Павлом Бажовым.

А вот степные дожди сразу забывали, когда они начали сливаться с туч и понятия не имели – когда небеса решат, что налили воды на природу уже достаточно да можно хоть неделю передохнуть. Лужи в степи, на больших деревенских дворах и дорогах ничем не отличались от маленьких озёр, в городе Кызылдале ветер таскал воду и по земле, и по воздуху, забивая струями все щели в домах, на тротуарах, в одежде трудящихся, бегущих на работу и обратно. Бегущих – неверно сказано. Люди плыли по красной жиже, работая резиновыми сапогами и руками с сумками и портфелями как вёслами. Зонты никто не носил, поскольку ветры в городе за минуту меняли направление раз пять, и зонт-парус мог унести даже крупного мужика совсем не туда, куда он пытался побыстрее продрасться сквозь липкую, ну, прямо как смазка на ленте для ловли мух, бокситовую жижу.

Отец Илия на первой неделе разгула коварных осенних степных дождей, да ещё с ветром над красной вязкой почвой, несколько раз, быстро проплывая по грязи красной из гостиницы, промахивался мимо церкви, потому как его никто не успел предупредить, что нельзя брать зонт, нельзя надевать широкополый плащ, что сапоги надо выбирать с очень глубоко рифлёной подошвой и никогда не перемещаться по центру улицы. Только поближе к зданиям. Тогда появлялся шанс зацепиться за подоконник или угол стены, передохнуть и скорректировать направление движения, сильно изменённое косым дождиком и шумным как пылесос ветром.

У церкви не было забора, острый низкий ветер выдирает священника с зонтом из пробитой предшественниками клейкой колеи и тянул в другую сторону так, что ногами можно было не двигать и не упираться. Бесплезно. Остановивался отец Илия только там, где порыв стихал минуты на две-три. Времени, чтобы перенаправить тело на нужный курс хватало, а вот удержаться в выбранном направлении могло повезти, а могло развернуть и перебросить туда, где ты уже был полчаса назад. Вся эта пытка у слабых убивала веру в себя и тесную дружбу природы с человеком. Сильных хляби небесные и земные только бодрили и делали ещё сильнее да крепче духом.

Сухарев Виктор, мощный спортивный мужчина, покуда не приновился к своеобразному поведению земных стихий, осенних, зимних и остальных, и очень нервничал. Его досель идеально уравновешенную психику очень сильно сотрясала невозможность управлять собой практически без серьёзных причин. Ну, дождик морозящий крохотными капельками, ну, ветерок скорый, но не ураганный же, да липучка из бокситовой породы красного цвета под ногами толщиной всего-то в ладонь – так это же не катастрофа земная, не извержение вулкана и не потоп всемирный, где конец живому существу без Ноева ковчега!

Почему он обречён к службе не поспевать, хоть и выходил с получасовым запасом времени? Он мучился и натурально заболел. Его знобило, трясло и бледность лица, снизу прикрытого усами и бородкой, заявляло священникам и малочисленной пастве о его недомогании. Настоятель Автандил спросил Илию, отведя его к иконе пресвятой мученицы Матронушки. Кстати, облачившись в одежды церковные и находясь в стенах храма все священнослужители с прихожанами и даже если оставались один на один – всегда между собой говорили странным для посторонних ушей языком, профессиональным, церковным, заменяя простые слова изысканными религиозными, высокопарными и замысловатыми. Так было установлено издревле догмами религии. Догмы, уклад и каноны – это три кита, на которых стоит церковь и вся религия. И преступить догму, нарушить канон или традиционный уклад было для церковников и неуважением к Господу, религии, и даже своеобразным грехом. Отступление от них на службе – немислимое дело. И никто никогда их не нарушал. Но, переодевшись в гражданское, они становились обычными Викторами, Женями, Андрюшами и ничем не отличались от обычных граждан СССР.

В общем, настоятель спросил Илию заботливо:

– Ты отец Илия, не простыл случаем? Погода ещё та. Температуры у тебя нет? Поди в трапезную, скажи диакону Савелию, чтобы чаем тебя напоил с сухим шиповником, да мёду поболее дал из верблюжьей колючки. Сразу и сойдёт с тебя хворь милостию Божьей.

Выпил Илия три кружки горячего чая, мёд такой впервые попробовал с восхищением, да и, действительно, полегчало. Успокоился он и пошел к настоятелю.

– Вот я уже месяц служу благоговейно, отец Автандил, – сказал он почти печально. – А так и не приставлен тобой к должности по сану моему. Я пресвитер и место моё среди прихожан. Апостол Павел в пасторских посланиях к святому Тимофею говорит, что главная обязанность пресвитера есть проповедь. Каждый иерей должен иметь проповедь и научение церкви истинам слова Божьего.

А я иконостас ремонтирую, позолотой крою окаёмы уж почти две недели. Уголь для котельной запасаю. Двадцать тонн уж привёз из Киймы. Облачения наши – рясы отвозил в хим-

чистку, подризники, поручи, епитрахили, пояса, фелони, набедренники, палицы... Надо всё. Понимаю. Но

Я страдаю без прямой обязанности иерея проповедовать, чистую исповедь принимать у прихожан. Таинство Покаяния вершить. Отчего сторонишь меня от истинных моих Божьих служений, отец Автандил?

– Ты не спеши, Илия, – тронул его протоиерей за толстую цепочку наперсного креста, который пресвитер прижал ладонью к груди. – Всё, что делается тобой – сан твой не оскудит. Все сегодняшние дела твои – Божьи. И творятся именем его. Здесь твоя новая обитель и к главному делу священному ты должен прийти через простой труд.

Укажи Господу нашему, что ничем церковным не гнушаешься ты, ни чёрной работой, ни пением с клироса, ни читкой глав Заветов Ветхого и Нового прихожанам, хоть это труд простого дьякона-чтеца. И уж тогда, представ пред Всевышним как всепослушный слуга его, чтящий любую храмовую надобность, трудись истово по сану своему и должным пресвитеру обязанностям. Не услышал ли ты неправоту в словах моих, священник Илия?

Смутился иерей, глаза опустил.

– Да, неправ я, отец Автандил. Но не гордыня вырвалась из уст моих. Нет. Я спешу преждевременно к исполнению всего, должного сану пресвитера, от любви к Господу и прихожан ради. Прости за нелепую торопливость.

– Бог простит! Ибо праведны все дела твои в нашей обители, – Автандил перекрестил иерея. – Ступай, трудись, молитвы читай, кланяйся ликам святых в храме, молись им. А к проповедям, исповедям и Таинствам Покаяния ты приступишь через месяц. С ноября. И Бог тебе в помощь!

Поздно ночью в гостинице на шаткой деревянной кровати глядел Виктор Сухарев за окно на переполненное звёздами небо, среди которых терялись чужие неведомые миры, где обитал суший всюду святой дух Господень, и впал не в дремоту, а в странное забытьё, похожее на то, какое испытал он пацаном в парке культуры Челябинска, где в летнем театре сидел с друзьями на сеансе гастроллирующего гипнотизёра. И похоже было это забытьё на сон, но во сне обычном были лишь видения, а в забытьи ты всё осознавал и мог размышлять, думать, и чувствовать мог смысл рассуждений своих.

– Вот не парадокс ли противоречивый между живым мной, Витей Сухаревым и иереем Илией? – ходила в мозге самостоятельно, без участия Виктора и не мысль вроде бы, а кем-то написанная страница готового текста, который читал ему может, ум, может, совесть, к уму никак не причастная. – Я, Сухарев, верю в Господа и должен чувствовать себя рабом Всевышнего. А ведь не чувствую. Я свободен в своих помыслах. И не Бог мне их ниспослал. В них я независим от бога и религии. Это моё! А Господу я о своём всего не докладываю. Это наглость? Гордыня?

Неискренность в Вере моей? Ведь как священник я Слово Божье уверенно втолковывал прихожанам, а значит, церкви. Прихожане – это и есть суть церкви. Не я! И не протоиерей. Прихожане! Но им я ничего не имею права сказать от своего имени. Из души своей не могу отдать понимание своё. Только слово Божье дозволено мне им втолковывать. Получается, в храме я не личность. Священник, конечно. Но как простая кнопка на радиоприёмнике.

Нажал на неё в нужный момент, и полилась правильная мысль, пошли верные слова в уши паствы. Не мои. А чьи? Кто за Бога придумал его якобы Слово Великое? Я громкоговоритель, лишенный права сказать своё. То есть от себя. О добре. О зле. О правде и лжи. О моём понимании совести и подлости. О грехах смертных и заповедях священных. Только повторять, как попугай имею право то, что талдычит пастве каждый, кто сановно имеет право проповедовать Слово Божье. А почему?

Вот на исповеди чужой и на Таинстве Покаяния свои советы даю, от своей души и собственного понимания чужого, стороннего греха. И ничего. Не наказывает меня Господь за своеволие. Чудно ведь? Да. Мало ли что я брякну кающемуся? Мало ли куда и как я направлю его на исправление жизни? А если ошибусь? И не раз, возможно, ошибался... Человек ведь я. А человеку свойственно ошибаться. И ведь нет мне наказания Божьего. Чудно... Да...

Да к тому ж ведь и грешен сам. Напиваюсь иногда до свиноподобия. А наказал Он меня только сейчас. В глухомань переправил. Так напивался и раньше. Ничего. Сходило всё на нет. Странные у меня лично отношения с Создателем. Матом ругаюсь – не карает. Жене изменял не раз. Тоже ничего не отсохло после прелюбодеяния. Может, не всегда Бог видит меня? Пропускает многое? Хотя быть такого не может. Он всегда и везде, в каждом верующем и неверующем... Короче, всё это странно. Хотя думать так мне не следует. Я священник. Проводник всякого промысла Божьего. Вот же блин! Лабиринт.

Очнулся Виктор – утро раннее. Звёзд нет, небо чистое. Приснилось что ли всё? Или задумался глубоко, а показалось, что забылся? В себя ушел. Так и не разобрался Сухарев. Некогда было. К Заутренней бы успеть. Хотя вроде бы ни дождя, ни ветра. Стихло всё на денёк, не больше, наверное. Тонкие деревца напротив гостиницы не дрожат от ветра. Надо бежать. Он быстро оделся и через двадцать минут уже переодевался в ризнице в рабочую форму с наперсным крестом поверх рясы.

В зале перед амвоном зажигали свечи над светлым ликом святого Николая- чудотворца, помещенным на тумбочку-треногу. Икона лежала почти горизонтально и молодые женщины в тёмных платках целовали Николая через стекло, крестились трижды и шли к другим иконам. С верхнего клироса пел хор из шести голосов. Два мужских всего. Тенор и бас. Почетное это дело, богоугодное – петь или читать с клироса. Виктор ещё от челябинского настоятеля Исидора узнал, что пели в хорах во славу Господа сам Фёдор Шаляпин, полководец Суворов, писатель Чехов и учёный Ломоносов. Глыбы, великие в миру! Во как!

Да и вообще раньше на клирос брали певчих только с консерваторским образованием, говорил протоиерей Исидор. А ближе к шестидесятым как-то сникла ценность церковного пения. В хоры стали брать набожных людей, имеющих только благодатные голоса и хороший слух, чтобы могли они освоить церковное многоголосие.

Регенты объясняли, что и как надо петь правильно. В христианстве песнопение – это степень низшего клирика, основная задача которого благоговейно исполнять на клиросе в хоре во время общественного богослужения некоторые псалмы, христианские молитвы, гимны, прокимены и возгласы. Низшая степень, но уважаемая. Певцов церковь чтит и сейчас. Хотя из консерваторий профессионалы не стали ходить. Советская власть грознее начала относиться к этому вопросу.

А потом вдруг эти нежные, тёплые голоса стал перекрикивать от иконы Христа в серебряном окладе, висящей справа от алтаря, хриплый, истеричный и взбешенный мужик. Он топал ногами, стучал по окладу кулаком, матерился и даже плюнул в икону. И к счастью, не попал. К нему подбежали сразу три дьякона и потащили его к выходу. Мужик упирался, вырывался, толкал дьяконов плечами, но через пять минут церковный сторож уже распахнул перед этой раскрасневшейся толпой притвор.

– Погодите! – крикнул дьяконам Илия. – Не отпускайте его! Я уже бегу.

Он догнал служителей, которые всё же не рискнули отпустить мужика, уже на середине паперти перед ступеньками к дорожке из храма. Мужик было лет сорок. Работал, видимо, он на руднике. Спецовка окрасилась рыжей пылью, лицо тоже впитало этой красноватой пудры, насколько позволили поры.

– Отпустите, – сказал пресвитер. Дьяконы разжали руки, сделали шаг назад, но не ушли. Трое нищих, примостившихся на краю паперти, испуганно поднялись, прихватили картонные коробки, куда им кидали мелочь и спустились на траву сбоку от крыльца.

– Чем прогневил тебя лик Христа, сын мой? – тихо спросил всё так же ещё беспокойного мужика Илия. – Ведь ничего, кроме любви к тебе Всевышний не питает. И ты люби его. В духе его святом и любовь к нам, и вся истина жизни.

– Это ты сын мой, поп, а не мой папа! – всё ещё зло крикнул мужик с явным нажимом на букву «О». С Волжских просторов забросила его судьба. Понятно было всем. – Борода есть, а годочков поменее моих. Мораль будешь читать? Так хрен бы я на тебя клал и на мораль вашу гнилую. Баран тупой ваш бог и тетеря глухая. Не доорёшься до него. Любит он нас всех! А меня тогда почему не видит, не слышит, да ничем не может? Или как раз меня можно не любить и не слышать?

– Ты крещёный? – ещё тише спросил пресвитер.

– А ещё чего? – мужик упер кулаки в бедра. – Нет, конечно. И что, мне нельзя в церковь зайти? Она ж для всех, не только для тех, кто тут лбы поклонами расшибает и ладан нюхает. У меня горе, падла – жисть дохлая! Я пришел за помощью к Боженьке. Мне посоветовали люди хорюшие. Не в горком партии же переться. Там долболомы похлеще вашего Христаосика.

Я месяц уже бегу сюда как шавка мелкая. На коленях перед иконой по полчаса стоял да елозил. Просил подмогу. Свечей сто спалил. Воском воню на весь карьер. И чё толку? Он мне в помощь и пальцем не шевельнул. Головы ко мне не повернул, сучий потрох. Ну как же! Он Боженька, хозяин наш, пастух. Кто я ему? Вошь на гребешке. Хмырь грязный из подземелья.

В притвор вышел протоиерей Автандил.

– Вы, отец Илия, не ждите ноября. Совершите с человеком Таинство Покаяния. Ему потребно зело. Примет крещение – пусть на чистую исповедь приходит. Господь за откровение искреннее отпустит через тебя грехи его. Вижу я – плохо мирянину. Не в себе он. А сам чело-

век он достойный. Работящий и сильный. Но не сдюжил. Духом поник. Помоги ему именем Господа нашего Иисуса, отца его и святого духа. Аминь.

И отец Автандил перекрестил мужика, а потом медленно и незаметно исчез в глубине церкви.

Что необычного произошло – не понял никто. Ни дьяки, ни Илия, а нищие тем более. Но мужик вдруг обмяк. Наклонил голову и плечи его задрожали. Он плакал. Дьяконы тихо ушли. А священник Илия обнял мужика, прижал к груди и сказал шепотом.

– Идем со мной в трапезную. Чай с мёдом попьём и поговорим просто как два мужика. Ты мне беду свою поведаешь, а потом вместе решим, как с ней справиться.

И мужик, сгорбившись, не прекращая вздрагивать плечами, пошел за Илиёй.

– Как зовут тебя, человек? – спросил Илия после того как первую чашку крепкого чая с шиповником выпили и пригладили чай поверх удивительным мёдом из верблюжьей колючки. – И зачем приходил ты к лику Христа?

– ЖОра. ГевОргий Алексеич Цыбарев я, – мужик совсем успокоился. Глядел без выражение в окно, составленное из прозрачных разноцветных стёкол. – ЭкскаватОрщик на руднике.

– А что мучает тебя? Я никому не имею права говорить о твоих бедах или грехах. Не стану этого делать даже под дулом оружия. Но отпустить грех твой Господь через меня не сможет, ибо ты не крещён и не веруешь. Но помочь тебе советом я могу сам. Испрошу его у Всевышнего. Он меня сам научил этому. Я и молюсь ему, и боюсь его, и славлю, и советуюсь с ним, Великим. Он единственный, кто знает истину.

Вдвоём с тобой, да с помощью Божьей, мы обязательно разберёмся в том, отчего сломалась жизнь и как скрепить сломанное и сделать его снова целым и невредимым. Тебе только надо ничего не скрывать и мысленно настроить себя на то, что правильные поступки после покаяния вернут жизнь в прежнее хорошее состояние. И ты сделаешь это сам со рвением и желанием всё исправить. Веришь мне?

Жора подумал минут пять, выпил ещё чашку и ответил.

– А ты знаешь, пОп, ведь натуральнО верю. ПОчему – не разберусь пОка.

Говорил он и постоянно мелко сплёвывал сквозь зубы. Слюны вылетала капля, а звук был одинаковый всегда – «цык!» Священник взял за шкафчиком с бумагами тряпку, которой мыл в своей комнате пол, и постелил Жоре под ноги.

– Сюда попадай. На тряпку. Привычка такая – поплёвывать через зубы? – улыбнулся Илия.

– Так ишО с детства, – тоже улыбнулся Георгий. – Пацанами ватагу свОю имели, дружбанскую. Так сО взрОслых все пример и снимали. Они цыкали, все волгари, ну так и мы ж волгари тОж, тОкО сОпливые. Так до старОсти теперь и буду цыкать... НичегО.

– Меня зовут Илия. Я священник. Чином чуть ниже главного нашего настоятеля. Ты и зови меня – отец Илия. Так в церкви принято. Я моложе. Но отец – не значит родственник прямой. Если священники от имени и по разрешению Божьему учат и проповедуют, искренне понимая, что учение, которое они проповедуют, не их собственное, и они только ведут к Христу, который наш Отец и Учитель, то им, как и апостолам, Господь позволяет называться учителями и отцами. Ну, так что стряслось? Рассказывай и не таи ничего. Потом будем вместе решать, как быть.

(Таинство покаяния экскаваторщика Георгия Цыбарева)

(Волгарское Оканье автор далее выделять не станет для облегчения чтения. Но «Окал» он усиленно, естественно и с наслаждением особенностью говора)

– Ну, приехали мы сюда, цык, с женой и дочерью взрослой, восемнадцать ей в декабре будет, из города Балахна Горьковской области. В шестьдесят втором ишо. В январе. Кызылдалу достраивал. Я в Балахне в СМУ корячился на экскаваторе МТЗ-50. Траншеи рыл, сучий хвост, для водопроводов, цык, в новостройки. А в шестьдесят первом, падла-жисть, всё, что городу надо было, уже, цык, и построили. Воду дали. Мне, цык, начальник СМУ говорит, сучара, цык.

– Всё, Жора. С нового года прикрывают нас. Городку нашему идтить ужо некуда. Не хочет обком горьковский нас дальше, цык, расширять. Народ, говорят, к вам не едет больше ни хрена.

А Балахна – город, отец Илья, старый. Аж в шестнадцатом, цык, веке на карту занесли как город. Так тама и счас меньше тридцати тысяч народа, цык. От Горького, падла-жисть, тридцать четыре километра вниз по Волге. Кто попрётся? В Горьком до хренища работы, цык.

А что тут мне ишо делать, в Балахне? Ну, две старых артели тама есть рыболовных. Кирпичный завод, цык. Ещё бумагу выпускают, картон, стеклодувный цех есть, автобусы недавно начали, падла-жисть, собирать маленькие. Хлебозавод хороший. Но я-то, мать-перемать, извини, в Горьком пацаном выучился на экскаваторщика. У меня первый класс. Высший, цык.. Другой специальности нетути. Не обучился, цык. А моей-то работы больше нет. СМУ, падла-жисть, одно было на городок. Так и то его, цык, сдуру прихлопнули.

Половил я с мужиками рыбу, цык, в артели. Год ухайдакивался, падла-жисть! Ящики пустые и с рыбой, цык, таскал на катера. Платили хреново. Ушел, не было тямю к такой тупой работе. Подался на хлебозавод. Шоферить я могу. Права есть. А места шофёрского, цык, нет. Только в пекарном блоке на замес теста, падла-жисть, можно было устроиться. Я и пошел. Они говорят: нам туда бабу надо. Мужик на механическом замесе – это же смехота, цык, одна и девяносто рублей зарплата, падла-жисть. А на экскаваторе я до трёхсот новыми, цык, брал за месяц. Жена – парикмахерша хорошая. Ей чего? Ни хрена забот нету! Только нас с дочкой кормить, цык. А все проблемы, падла-жисть, у меня. Она сама девяносто и получала. А мои триста – жизнь держали. Короче, рухнуло, цык, всё. Тут мне прораб наш, сучара, говорит, хоть мы, цык, с ним не корешились сроду:

– Мой кум, говорит, уехал в Казахстан. Там на севере город новый строят. Областной центр будет с шестьдесят пятого года. Он, кум, шофер сам. Работы там невпроворот. Защищает кум за триста плюс «степные» кидают сверху, цык, дополнительно. Рублей семьдесят ишо вдогон за трудные условия степные. За вредность. Давай я ему позвоню на межгород. Пусть узнает, куда там экскаваторщики нужны. Город этот к карьере бокситовому прилепили. Алюминиевую руду копают. Чем копают? Так экскаваторами же! Короче – звоню ему.

– И мы, падла-жисть, переехали. Квартиру обещали в Кызылдале через пару лет, цык. Ну, я на Балахне дом продал, а тут в бывшем посёлке возле города купил. Жили, цык, хорошо. Получал на руднике по пятьсот «тугриков». Мотоцикл, падла-жисть, купил с коляской. «Урал». Лодку, цык, надувную. Друзей завёл кучу с рудника. На озёра с мужиками стал ездить. Ну и потихаря пить-поддавать стал. А чё! Денег валом, цык. Компания на руднике собралась плотная, дружная. В общем, клёво попёрла падла-жисть!

На рыбалке выходные пролетали как истребители. Нажрёмся с утра водяры – так времени, цык, и не чуем. Под «балдой» тухнет время, прячется, цык. Потом девок стали с собой таскать. Нас-то, орлов, шестеро и поварих-молодух из столовой рудоуправления, падла-жисть, шесть штук на всё согласных. Кто-то из них, шалав, жене моей, Таньке, меня и продал. Она в управлении так и пристроилась, цык, парикмахером. Её вроде как бы ждали там. Нужен парикмахер был, чтобы людям, падла-жисть, легче стало себя соблюдать. Никуда бегать не надо. Вместо обеда в перерыв иди да делай причесон или обкарнайся, падла-жисть, под полубокс. Лафа, цык!

Танька меня с марухой словила, цык, когда я её с работы на мотоцикле домой отвозил. Дома, падла-жисть, допросила крепко. Шваброй по «котелку» тырснула так, что в больничке мне, цык, на бестолковку мою аж три шва наложили. Потом ещё два-три месяца меня грызла, да ещё, видать, тётки столовские её подначивали, падла-жисть. Короче, забрала она летом шестьдесят третьего дочку и слиняла в Зарайск. В старый большой хороший город. В ателье мод устроилась, цык. Там и шьют, там и причёски делают. Ну, столица области! Комфорт, падла-жисть, кругом.

– Ты, Жора, после этого пить не завязал? – спросил иерей.

– Ну да! Хрена в зубы! Наоборот! Кирять с горя так начал, цык, что с работы шустро попёрли. В том же шестьдесят третьем. В ноябре. Рудоуправление! Всесоюзного значения, падла-жисть, контора. Таких козлов – бухариков им позорно у себя содержать, цык! Я с тех пор дурак дураком живу. Разгружу что-нибудь в магазинах за трояк. Нажрюсь и сплю, где упаду, цык. Вытрезвителя нет. Валяюсь за городом летом в траве. Тепло, падла-жисть. Никто не трогает. Утром иду трояк зарабатывать. С такими же оборванцами, каким я стал за год, нахрюкиваемся, где попало и шарахаемся, цык, по городку. То подерёмся с бывшими зеками, которые по УДО на вольном поселении в общаге живут, а работают за гроши чернорабочими на карьере. То по бабам, падла-жисть, разбрёдемся кто куда. Ну, захочешь бабу отшерстить – так найти маруху как не хрен делать. Желающих одиночек – море. Вот же падла-жисть, цык!

А пятого августа на следующий год, в день рождения свой надрался я как скотина. Сел дома на завалинку, думал чёй-то. Не помню. И как оно потом вышло, не знаю, цык. Короче, слил я из мотоцикла бензин, окропил хату и, падла-жисть, поджёл на хрен. В зюзю был кирной, не помню, чего это я её спалить озлобился. Потом плюнул, цык, и ушел дружков искать по пивным. Ну, дом сгорел быстро. День. Никого вокруг. Все на работе. Остался, падла-жисть, фундамент и печка. Как после бомбёжки, цык.

Вот когда я протрезвел. День не пью и думаю: куда теперь? А некуда.

На второй день опять нахреначился портвухой под горло, цык. Нашел верёвку, мыло украл в магазине и пошел за город вешаться. Там на въезде штук десять деревьев. Намылил, связал петлю, залез на первую ветку, привязал, падла-жисть, конец и медленно по той же

верёвке, цык, сполз с петлёй возле подбородка. Уже почти подох, но, блин, в город как раз заезжал водовоз с птицефермы, которая от города в трёх километрах. Ваня Силовский подо- гнал, сучара, прямо под дерево и ножом с подножки веревку срезал. Цык, падла-жисть! Отле- жал я в больнице неделю. Там меня медсестра, тётка одна, ей за пятьдесят уже, послушала пока капельницу сторожила, мою историю узнала и сказала так, что я вздрогнул и головой просветлел.

– Ты, говорит, Георгий, иди в церковь. Иди прямо к иконе Христа Спасителя.

Выучи молитву «Отче наш», я тебе завтра, цык, молитвослов принесу. И проси Господа помочь всё вернуть, говорит. Себя к нормальной жизни, работу, семью вернуть и помочь обре- сти жильё проси на коленях. Ходи, молись, проси, пока не посинеешь. Сразу он не откликнется. Он Бог. У него забот – всё, что на земле происходит, цык, и люди все. Но он тебя услышит. И поможет только Господь. Никто больше. Знаю что говорю.

Ну, выписался я и пошел, цык, в церковь вашу. По три раза в день ходил. Месяц, падла- жисть! Встану на колени, помолюсь и всё ему пересказываю. А потом одно слово произношу: «Помоги!»

Ухожу и жду. А сам думаю, что дрянь я, и наклепал бед себе выше крыши сам. Сучара! По тупости пьяной и зазнайству. Деньги меня, цык, испоганили и слабая душонка да скот- ская падла-жисть. Жил как «бичара» последний. Тепло – в степи ночью. Холодно – На чердак школьный лезу и сплю возле трубы печной. Истинно говорю тебе, отец Илья! Оскотинился. А сегодня бес в меня втиснулся. Душу смял в комок и нагадил на неё как в сортире. Остальное ты видел и слышал. Цык. Вот всё. Как на духу. Не слукавил ни одним словом, падла-жисть. Всё. Больше сказать нечего, цык..

– Значит, говоришь, Господь ничем не помог тебе? – Илия поднялся, подошел к Жоре вплотную. – Ты месяц целый ходил к иконе. Молитву читал. Просил Бога вернуть всё как было до того как ты сорвался с цепи. Ждал помощи. Так вот и скажи мне. Месяц целый ты спиртного капли не проглотил. Ты пить бросил, Георгий! Воля сильная? Нет. Была бы воля, так давно бы и прекратил. Значит, помог кто-то. Кто? Отвечу за тебя: Господь тебе и помог. Он услышал тебя. И это первое, что он сделал, чтобы и дальше помогать вернуться к прежней хорошей жизни. Господь помог! Слышишь ты меня?!

– Ну, выходит, падла-жисть, что так оно, – задумался Жора. – Ведь точно. Как стал ходить к вам и просить Бога о помощи, цык, так на следующий день уже и не пил. Да как-то и не поду- мал об этом раньше. Выходит, что не случайно всё, цык, вышло. Значит и в остальных бедах не бросит он меня?

– Я подумаю, как помочь беде твоей с Божьей помощью. Убирать беду вместе будем. Господь, я и ты. Он через меня укажет правильную дорогу и растолкует как нам поступать, чтобы скинуть эту тяжкую гору вины с плеч твоих и чем душу излечить, – иерей Илия приобнял Георгия. – Ступай с миром. Жду тебя через день в это же время. Нет такой беды, от которой нельзя избавиться с Божьей помощью. Верь мне. Иди.

Он поднял мокрую тряпку с пола, открыл окно и сбросил на фундамент.

– Подсохнет маленько, потом постираю. Делов-то...

Вечером отец Илия переоделся и уже Виктор Сухарев сходил в буфет, перекусил да лёг на кровать в номере. Стал думать. Лежал в странном забытьи без сна до рассвета почти. А, может, и сон это был. Но без видений, а только с мыслями, которые за ночь оформились в одну. Главную.

И часа в четыре утра вскочил он, потому что сам себе не поверил. Ну как же! Невероятно, но ведь придумал, как вернуть доброго, но потерявшегося человека, в жизнь, из которой он по неразумию и заблуждению уже почти ушел насовсем.

3. Глава третья

– Пожар! Горим! – испуганно, оттого особенно громко, кричали в коридоре гостиницы. Женщина, дежурная по этажу, стучала, похоже, каблуком туфли в дверь номера, где жил Сухарев. Он глянул на часы. Перевалило едва за половину пятого. Он быстро натянул трико, майку, кеды на босу ногу, успел ещё раз повторить мысленно всё, что он придумал для возрождения жизни Жоры Цыбарева за ночь без сна или за сон, в котором кроме мыслей не было ни одного видения, хлебнул воды из крана, плеснул на волос и лицо.

Сразу же запах дыма закупорил ноздри, рот, залез в трахею, выворачивая наизнанку бронхи, горловые связки, потянул из тела глубокий свистящий кашель. Снизу, в незаметную щель между порогом и дверью как лохматая металлическая пластинка протискивался тонкий мутный квадрат дыма, быстро разбивался на струи и взлетал под потолок. Через три минуты от двери Виктор уже не видел окна. Завеса, пахнувшая лаком, краской и палёным деревом напоминала портьеру, какой в кинотеатре задвигали окна перед началом фильма.

– Где горит? – крикнул Виктор после того, как выскочил в коридор и присел. Стоять не было возможности. Дым, казалось, выковыривал глаза и попутно выдавливал слёзы.

– Наш, третий этаж горит. Триста шестнадцатый номер, – крикнула тётка, убежавшая метров за двадцать к лестничной площадке.

– Пока пожарные приедут – сгорим на хрен! – заорал пожилой мужик. Он тоже сидел на корточках метрах в десяти от Сухарева. – Кто есть в коридоре, мочите полотенца, оберните лица, вышибайте дверь триста шестнадцатого и тащите из него, кто там есть. Живой или мёртвый.

Судя по кряхтению, дверь начали ломать трое. Пинали её и, как могли, били плечами. Других инструментов не было. Все жутко кашляли и периодически падали на пол, чтобы хлебнуть хоть немного не горячего и не вонючего воздуха.

– Так не получится! – крикнул Сухарев. – Обратное давление не даст. В комнате дыма столько, сколько во всём коридоре. Я пройду снаружи по карнизу, выбью окно, давление с огнём и дымом на улицу рванёт. Как звон услышите, бейте дверь в три плеча.

Он ползком вернулся к себе в номер, достал из шкафа круглую палку для вешалок, подполз к окну и с трудом потянул вниз верхнюю ручку. Нижняя открылась легче. Распахнул окно, успел пригнуться. Иначе давление дыма выкинуло бы его на асфальт. Вышел на карниз. Довольно широкая была кирпичная дорожка под окнами третьего этажа вдоль здания. Сантиметров пятнадцать. За пять минут хорошо тренированный боксёр Витя Сухарев добрёл боком до окна, за которым суетился огонь. Метров двенадцать удалось пройти. Сухо. Дождя нет. Хорошо.

Придавив спиной стену, он размахнулся и три раза ударил палкой по стёклам. Огонь с дымом прорычали страшным, почти предсмертным человеческим выдохом – «Э-э о- о – у-у-у х!», да вместе со стеклами и рамой взрывной волной выбросились почти до дороги.

Тут же одним ударом трое мужиков вынесли дверь вместе с косяком. Горела деревянная кровать, коврик, обои, шкаф и линолеум с обоями. Хорошая была гостиница. Три звезды. Почти столичная. Виктор прыгнул в номер.

– Живой! – крикнул кто-то весело. – В дымину пьяный. Валяется в душе на полу.

Мужика выволокли за руки и, пригибаясь, потащили его к лестничной площадке. Сухарев включил душ, дотянул шланг до двери и поливал смолистый душный линолеум.

А тут и пожарная машина подлетела. Кинули лестницу на подоконник горячей комнаты, и парень в брезентухе моментально залил из брандспойта огонь и всё, что он съел. Постояльцы открыли свои двери с окнами и через полчаса о пожаре напоминал только остаток угарного газа, растворявшегося в свежем осеннем воздухе.

– А что это вспыхнуло-то? С чего? – спрашивали мужики и завернувшиеся в одеяла женщины у командира расчёта, который стоял возле машины и курил. Таковую мелочь гасить ему не по рангу было.

– Этот дурень нажрался, пошел в сортир. Мне ребята мои доложили, – смеялся майор. – А перед этим закурил и папиросу уронил по дороге на коврик. Руки не держали уже. Папироса тяжелая. «Казбек». А коврик тонкий, да ещё и водкой маленько политый был. Вот и хватило. А дурачка вашего откачали. У нас в машине нашатырь нюхает.

Ну, все, кроме культурных дам, одновременно выматерились от души, и пошли кто в трусах, кто в пижамах и трико по номерам. Сидеть в гостинице было невозможно. Запах стоял как в море. Тухлый и до сильной тошноты сладковатый. С третьего и двух верхних этажей народ ушел в никуда. На работу рано, в столовые тоже. Они с семи работали. Блукал народ по трём улицам маленькими группами, а после семи разошлись все. Кто завтракать, кто на рабочее место. До начала трудового будня уже недолго оставалось.

Виктор пришел в церковь, переоделся под алтарём в ризнице. Униформу священника аккуратно разгладил, надел и помолился пресвятой деве Марие, после чего сразу ощутил себя иереем Илиёй. В церкви не было никого. Утренняя служба в восемь начиналась и прихожане ещё до храма не дошли. Как и настоятель Автандил. Время было и священник Илия сел на ступеньку амвона. Стал вспоминать ночные раздумья свои, которые лучше было бы снами назвать.

А то получалось, будто Витя Сухарев – вообще сверхчеловек. Почти дух святой. Спать ему вообще не обязательно. Есть тоже. Только Богу служить да Веру в себе лелеять и возвышать. Ну, то, что вместо картинок видел да слышал он свои мысли – это лучше намного. Что с картинок толку? А здравые мысли в отдыхающем мозге образуются быстрее и куда уж качественней, чем наяву. Вот позапрошлой ночью пригрезился ему целый доклад на философскую тему о соотношении в одном человеке доброго и злого. Никакого, казалось бы, отношения к религии и Вере тема не имела.

Но Сухарев много и часто думал об этом на работе, потом в гостинице. Да и до приезда в Кызылдалу тоже мысленно рассуждал об этом. Но только тут, в Красном городе, в степи, рыжей от бокситовой породы, ночные видения в виде слов и неожиданных мыслей стали более ясными и разум Виктора, расслабленный дремотой, формулировал мысли в законченные про-

изведения ума, старающегося самостоятельно, без научающих книг и речей сторонних дойти до сути явлений жизни.

Которая, как считал он, сама-то и не делится на шахтёрскую, шофёрскую, начальственную или религиозную. Жизнь – это всего лишь срок. Кусок времени, отпущенный каждому точно по судьбе его. И в срок этот судьба может втиснуть столько противоречивого, что ни со стороны не разберёшь быстро, ни сам человек до конца понять не успевает – какой он. Злой или добрый, чистый душой или мутный в сознании своём.

Что-то было особенное в этой ровной как лист степной земле. Может, миллионы лет назад свалилась сюда, на горы да прилавки, звезда живая, исполненная вселенской мудрости и волшебства откровений. Упала и сравняла над собой поверхность земную. Превратила в ровное до горизонта хранилище всяких ценностей земных и вселенской мудрости, в кладёз истинного, верного, сокровенного. Из земли здешней веет на всех силой этой звезды, которая не иссякнет вовеки. Жаль, что не все её чувствуют. А ему, Илие – Виктору такое счастье Господь указал и открыл для него.

Поскольку перед Богом равны все, то верующие особо и не задумываются о неизбежности существования бок о бок зла и добра, лжи и правды, чести и бессовестности, святости и греховности. Зачем? Господь, разделяя, конечно, в людях божье и сатанинское, всё одно любит всех. А для верующего это и есть главное и окончательное: «Я люблю Господа, а Господь любит меня». Чего ещё желать лучшего? Служить ему рабски и иметь право просить у него милости, здоровья и благоденствия – вот позволенный свыше контакт со Всевышним.

И судьба твоя в руках Господа, да наделяет он тебя только тем, чего ты стоишь. Испытания даёт, но и милостью не обходит. От него у тебя и дары щедрые: дом, семья, дети, работа, деньги и вещи. У злых деньги. У добрых деньги. Бог равняет всех любовью своей. Но отец Илия, или вечерами Сухарев Виктор, рассуждал так, как чувствовалось в дрёме снов и напоминалось как своё, порождённое своим разумом. Он этому тайно от всех радовался и пока ни с кем не делился промыслом не Божьим, но своим собственным.

Первые дьяки подошли, почему-то вчетвером сразу. Видно жили в одном краю. Оделись они в тёплые фланелевые рубахи, брюки серые из толстой крашеной парусины и в болотные резиновые сапоги.

– Дождь днём собирается, – доложил дьякон Никифор. – По радио сказали, что зарядит дня на три.

Дьяк Никифор – Коля Зайцев – в миру. Шустрый парень ждущий через два года юбилея, тридцатилетия. Велосипедист шоссейный, причём способный. Третье место в Зарайской области держал. А здесь только тренировался после службы. Выступал довольно часто в Зарайске. Казылдала хоть и стала центром Карагайской области, но спорт и культурные мероприятия настроить ещё не успела. Специалисты пока не приехали.

Дьяконы прошли в служебную дверь правее алтаря и, провожая ребят взглядом, отец Илия возле самой большой иконы Христа Спасителя увидел Жору Цыбарева. Он молча стоял на коленях и глядел Иисусу в глаза. Губы сжаты, в руках свеча длинная с высоким пламенем. Видно, прочёл уже «Отче наш» и теперь то ли просил чего-то мысленно, то ли думал о чём-то важном. Строгое лицо, чистый волос, отглаженный тёмный костюм и явно выходные туфли.

– Благодать тебе, Георгий, и мир от Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа! – поздоровался Илия и подошел к Цыбареву.

– Благослови, батюшка, – увидел его Жора, поднялся и поклонился Илие в пояс.

– Когда успел узнать правила церковные? – удивился отец Илия. – У кого-то из наших, видимо. Или у крещённых прихожан. Я вроде пока не объяснял ему. Поскольку не крещён он и в храм ходит «иродом», как говорили о нехристях в старой Руси. Виктор Сухарев был священником четвертого поколения семейного. Прадед служил протоиереем в Челябинске, дед и отец тоже, поэтому Виктор много чего помнил из бесед с отцом и дедом, и так же как они, другого дела, кроме служению Всевышнему не хотел иметь никогда.

– Во имя Отца, сына и Святаго духа, – перекрестил его трижды отец Илия. – О чём молитвы твои к Господу нашему?

– Я прочёл «Отче наш» и потом советовался с Иисусом как мне дальше возвращаться к жизни нормальной. На работу хочу вернуться, но боюсь, погонит меня отел кадров или заместитель Латышев. Мужик строгий. Мы его Иваном Грозным зовём. Он тоже Иван, но Данилович. А устроюсь обратно – дом надо строить. И уже из него ползком ползти к жене да уговаривать вернуться. Сейчас только дошло, что без неё и Машки, дочки, жить не смогу. Люблю их. Потому не выдержу – опять запью. Он хотел вдогон слово крепкое вставить, но засмутился и рот прикрыл ладонью.

– Дом тебе построим с Божьей помощью, – Илия взял его за локоть и вывел на паперть. И притвор за собой закрыл. Я уже придумал, как это сделать. Господу поведал и одобрение нутром почуял. Благословил Всевышний. Теперь поговорю с настоятелем и мы всё решим. Ты, сын мой, помолись ещё, я дождусь настоятеля, а потом мы вдвоём пойдём к вашему «Ивану Грозному». Да, Бог даст, снизойдёт «Грозный», поймёт нас и позволит тебе вернуться.

– Он вас, попов, не шибко почитает, – задумался Жора. – Слышал я как-то, что он называет вас бездельниками и дармоедами. Он, отец Илия, коммунист-атеист.

– Да, – согласился иерей. – Для атеистов мы, служители культа, раковая опухоль на теле советского общества. Кто-то умный один раз сказал, так и прижилось. Но я пойду к нему в обычной одежде. Костюм приличный и всё такое, а дождик будет – сапоги надену. Но не скажу, кто я на самом деле и почему прошу.

– О Боге ему не станете рассказывать? – засмеялся Цыбарев. – Выгонит обоих. Ещё тот бес!

– У всякого человека благодетель есть в душе, – тоже засмеялся Илия. – В противовес семи смертным грехам для всех людей доступны столько же добродетельных научений Божьих, о которых, бывает, человек, вовсе и не христианин, вообще никогда не думает, не вспоминает. Атеисты, так те просто не ведают ничего ни о смертных грехах, ни о добродетели. У них в головах Богу пока нет места. Но только «пока» Со временем неверие проходит почти у всех. И даже, не посещая храма, они начинают сами понимать, что есть Первоначало, Власть Всемогущая, которая миром правит и меняет мир и людей. Что есть мучительные грехи, давящие душу гнётом и сжирающие душу как червь яблоко. А о добродетели своей без Божьей воли сам

не докопается почти никакой человек. Я – посредник между Господом и вашим начальником. И говорить с ним будет Всевышний моими словами. В какой одежде бы я ни пришел к нему.

– А что, точно против каждого греха смертного есть сила добрая, которая сильнее сатанинских пороков? – спросил Георгий и глянул на лик Николая-Чудотворца.

– Ну, так вот и слушай, внимай и запоминай, – священник взял Цыбарева под руку и повел его по дорожке вокруг церкви, возле которой поздние цветы ещё всю радувались не очень прохладной осени.

– Первый грех смертный – Гнев, а против него Любовь. Она сильнее. Она благочестива и беспредельна

Гордыня – ей противостоит светлое смирение. Покой души без суеты и согласие с судьбой своей.

Уныние имеет антипод и боится славословия Бога за все, да желанного труда во благо себе и людям.

Тревоугодие имеет страшного врага – пост.

Сребролюбие – оно боится оказаться в положении просящего милостыню или работы не может пережить бескорыстной на благо ближнему, что с алчными и жадными случается против их воли, да ещё и не так редко.

Блуд – он подыхает от воздержания, от сна с молитвою перед ним, от труда физического, тяжкого.

Зависть – эта тварь губительная, теряет злобную силу свою даже от нечаянной помощи завистника, как другу, так и врагу личному, тому, кому завидует, ну и также немощным, бедным, потерявшимся в суете и бесплодной жизни.

Вот как, Жора. На весах не бывает гирек только в левой чаше. Столько же и в правой. Ибо весы жизни – это всегда равновесие. То есть гармония. Запоминай. Пригодится. Кстати, когда крещение думаешь принять?

– Я стремлюсь, батюшка. Научи, как подготовиться, – Георгий остановился и уперся взглядом в глаза священника. – Жить хочу Верой и Правдой. Честно.

– Расскажу всё. Сейчас ходим в рудоуправление, решим с настоятелем вопрос о стройке дома и будем готовиться к крещению твоему, – обнял его иерей.

– Вот, – обрадовался Жора. – Тогда сразу пойду на исповедь к тебе, отец Илия. Примешь исповедь?

– Обязательно, всенепременно, – священник пожал ему руку. – Милостив Господь и опустит через меня грехи твои. Очистит душу. Ну что, пошли к начальнику твоему, Данилычу «Грозному»? Иди пока, догоню. Я пойду переоденусь в гражданское. Скажу начальнику, что я твой брат из Зарайска.

– Дрожь есть внутри, – замялся Цыбарев. – Но в том, что уволили меня, не он виноват. Сам я себя попёр с работы, идиот. Ну, да ладно. Идём. А в церковном облачении почему не идёшь? Солидно. Один крест – убить им можно. Как кувалда тяжелый.

И пошел на улицу. Виктор догнал его минут через десять. На нём был черный костюм, белая рубашка и красный в полоску галстук. Ну, туфли лаковые, конечно. Как чиновник оделся Сухарев.

– Я, Жора этот грех беру на себя нарочно, – жестко сказал уже Виктор, а не отец Илия. – Бог простит. Но цель моя – не подразнить сущего атеиста руководящего, а нужное дело сделать. Мой сан и облачение могут оскорбить чувства неверующего. А это с моей стороны ещё более греховно. Из двух я выбрал меньший. Только ты молчи, когда мы с ним будем говорить. Спросим – тогда отвечай.

И они, перепрыгивая через похожие на сосновые нетесанные брёвна серо-бурые валуны породы боксита, медленно пошли по жесткой рыжей траве к высоким красным холмам и красному трёхэтажному зданию с красным флагом над крышей.

– Ты живешь-то сейчас где? – на ходу спросил Виктор. – У друзей?

– Откуда друзья? – хмыкнул Жора. – Пили вместе, девах тискали. Это не друзья. Выгнали меня, бросил кирять, так никто и не пробовал меня найти. Утешить заодно за дом сгоревший. Живу я всё время на складе церкви нашей. Там консервы и посуда всякая для трапезной, инструмент разный для уборки и чистки, рамки для икон, ладан, елей, краска разная и рубанки да отвёртки.

А диван хороший, хоть и старый. Меня дьяк Анисим сам позвал. Он про меня узнал от кого-то из ваших. Так мы с ним в шесть утра двор подметаем, листья собираем, жжем. Живёт он там же. Только спит на кровати в углу склада. Квартиру ждёт. Как и ты, отец Илия. Вдвоём ему веселее. Да и мне. Я и молиться иду раньше всех. Иконостас рядом.

– Знаю я всё. Просто спросил. И вот ещё что имей в виду. Отец Илия я тебе в церкви. Облаченный в рясу и с крестом наперсным, – засмеялся Сухарев. – Сейчас я Виктор. Так и зови пока обратно в храм не вернёмся.

В приёмной он сказал секретарше, чтобы она доложила Ивану Даниловичу, что к нему просится помощник второго секретаря обкома Зарайского, Архипа Ивановича, Сухарев Виктор. Она ушла в кабинет.

– А если проверит? Позвонить-то как не хрен делать, – ужаснулся Жора.

– Ему это сроду в голову не придёт. Такими именами манипулировать – слишком большим наглестом надо быть, – Сухарев тихо засмеялся. – А я и есть в обычной жизни наглец ещё тот! Но он этого не знает и подумает, что кто-то соврёт, что он от самого Архипа Ивановича приехал – да ни в жисть!

– Вас ждут, – вышла секретарша и плюхнулась на стул, перед которым стол с пишущей машинкой и двумя телефонами.

– Что же вы без звонка, товарищ Сухарев? – заместитель вышел из-за стола и встретил гостей на середине кабинетного ковра. – Пошли бы сначала перекусили в нашем спецбуфете.

– Да что отвлекать вас от дел? – улыбался Виктор. – Мы и так минут десять у Вас украдём.

– Что за вопрос, какой надо так долго решать? – удивился Иван Данилович. – Обычно я за минуту всё делаю. Если, конечно, это не отчёт в Московский «Главк».

– Да пустячный вопрос, – Сухарев без приглашения сел в кресло у стены. Сел и Георгий. Зам начальника примостился на край стола и шутливо приложил ладонь к уху. – Вот племянник Архипа Ивановича, сын старшей сестры, хочет работать у вас на экскаваторе. Первый класс у него. Слух идёт, что у вас на карьере они зарабатывают поболее, чем Зарайские городские экскаваторщики.

– Ничего себе! – изумился Иван Данилович. – Слухи! Да, вдвое больше получают. Экскаватор хороший дадим. И на участок прибыльный направим. Я сейчас напишу записку. Отдадите её в отдел кадров. А мне надо позвонить начальнику второго участка. После кадров к нему идите и пусть он... Как Вас зовут? А, Георгий! Ну вот, получите у него экскаватор там и завтра – на работу. Паспорт при Вас?

Цыбарев протянул паспорт и квалификационное удостоверение.

Ещё через пару минут они пожали руку Ивану Даниловичу, Виктор пообещал, конечно же, передать привет Архипу Ивановичу, после чего пробежал всего час и Цыбарев на новом экскаваторе выехал из гаража со счастливым лицом.

– Вот же падла-жисть! – изумлённо повторял он. – Меня никто не помнит. Ни в отделе кадров, ни Данилыч, завгар не узнал меня, падла-жисть! Ну а чё?! Шесть тысяч человек тут пашет. Упомни всех. Ну, здорово. Ты, Витя, просто волшебник, гадом буду. Что, господь помог?

– А кто ещё? – очень серьёзно ответил Виктор. – Он-то меня как Сухарева и не знает. Я для него служитель личный, пресвитер Илия. Я его славлю и Слово его толкую церкви. Почему ж и мне не помочь когда даже не прошу? Он всё видит и доброму делу подмогнёт обязательно.

– Надо мне поскорее крещение принять, – Жора отогнал экскаватор и вернулся с таким сияющим лицом, будто папа с мамой сделали его из меди, а грозный заместитель Иван Данилыч начистил его до зеркального блеска пастой «гои».

– Крещённому мне буде сто дорог открыто к благам Божьим.

– Ну, ну... – ухмыльнулся Сухарев. – Крещённым станешь – так сперва исповедуйся, с грехами попросайся, людей полюби, помогай им без мзды и корысти. Главной мыслью в голове и главным чувством в душе считай искренне Любовь. Ко всему живому и ушедшему в лучший мир. Нет замены Любви, смирению, то есть покою душевному и сердечному. И прощению нет замены. Всех прости.

Врагов, друзей, родных и даже отродье сатананское. Господь негодников сам покарает. Это не наше с тобой дело. А Любовь – это как крест, который Христос на Голгофу ташил, умирая на ходу. Это ноша тяжелая – Любовь. Особенно если Господь наставляет любить всех и всем прощать. Но без неё и Вера твоя Всевышнему не в радость. Ибо Вера – это приня-

тие божественного, не человеческого. Любовь твоя ко всему сущему, простому земному, Богу нашему дорога, потому как помогает ему гармонию поддерживать.

Без любви нашей к живому и прочему сущему – крах Божьей жизни земной и подарок Сатане. А научиться любить и прощать всех – задача посложнее теории Эйнштейна.

Шли они в храм. Виктор – переодеваться в отца Илию и готовиться к вечерней службе, а Цыбарев к дьяку. По радио дожди обещали. Надо канавки вокруг церкви обновить и на дороге новую выкопать. Прежнюю машины задавили.

– Спасибо, Виктор, отец Илия, – пожал ему руку Жора. – Один ты смог меня почти целиком из беды выковырнуть! Просто слов нет. И как благодарить тебя – не придумал пока.

– Это не я тебя вынимаю из горя и почти небытия, – махнул рукой Сухарев. – Это ты сам. С божьей помощью, конечно. Хоть и нехристь ты, но человек хороший. А Господа не обманешь. Так что – ему молись.

К церкви уже шла паства. Группами и по одному. Из приоткрытых окон нежно пахло ладаном. На клиросе ещё только распевался хор. А душа Георгия уже пела. Это возвращалась светлая жизнь в душу почти пропащую.

– Повезло, – подумал Жора. И пошел на склад за лопатой.

Дел у них с дьяком Анисимом было до поздней ночи. Не менее.

4. Глава четвертая

Сухарев пил пиво в забегаловке Кызылдады напротив единственной в городе школы. Октябрьский вечер сочился сквозь маленькие деревянные окна желтым светом, отражающимся от туч. Это фонари вокруг школы посылали лучи в небо, а тучи разбрасывали их на дорогу и, если чуть выше слабым лучам попадались окна – то и в окна они падали тусклыми пятнами. Из церкви он ушел поздно. Работу свою сделал, переоделся в гостинице и захотел успокоить душу грешную разливным «жигулёвским».

После третьей кружки вышел покурить на улицу. Дождя не было, но воздух с лёгким ветерком прилетал с севера сырой и густой. Всё-таки не ошиблись синоптики. Ночью или утром дождь снова превратит улицы Кызылдады в полигон для испытания населения на сопротивляемость красной клейкой глине и преодоление незаметных под водой промоин в асфальте и почве.

– Слышь, мужик! – из пивной вывалились трое парней лет тридцати в телогрейках и ворсистых кепках.

– Закурить? – Виктор сунул руку в карман и достал «Приму».

– Не, курево своё имеем, – сказал первый, рослый крепкий рыжий парень с рыжими усами и редкой бородкой. Каждый непонятого оттенка волосок бородки неудавшейся вился спиралью и торчал в ту сторону, какая ему самому нравилась. – И тебя бы угостили, не будь ты попом-тунеядцем.

– А какого ты тут у нас торчишь? Бухаешь. Хозяина своего с нимбом над башкой дразнишь, – добавил второй. Он ехидно скалился, постоянно чесал шею, торчащую из длинного худого тела, и качался с пятки на носок в своих грязных красноватых сапогах.

– У меня один хозяин – я сам, – Виктор повернулся и ждал. Что-то явно намечалось. Какое-то привычное для этих ребят мероприятие.

– Мы тебя возле церкви на ступеньках и на дорожке часто видим. Работаем напротив. На лесопилке для мебельной фабрики, – третий, невысокий плотный блондин с бесцветными глазами и латунной фиксой на среднем зубе-кльке, постоянно кашлял и говорил, гоня губами папиросу в уголки рта. – Ты же поп? Поп, сука! В чёрной длинной хламиде ходишь и в дурацкой шапке на башке. Да с вот таким крестом на пузе. Религией людей травишь. Она ж «опиум для народа». Маркс с Лениным говорили. Не слышал?

– Ну, верно, меня вы и видите каждый день, – Сухарев уже понял что будет дальше. – Я священник. Работаю там. Сейчас я рясу снял и стал обычным парнем. Пиво вот пью. Устал.

– Вы, попы, тунеядцы, бездельники как бичи, болт вам в рот. Ненавижу вас, угодников боженьки. Отдыхаешь! Пивком расслабляешься! С чего б ты устал? – зло и отчётливо прохрипел первый. – На вас, попах, пахать надо, а вы днями нудите всякую хрень, головы народу загаживаєте молитвами, да брехнёй про рай и вонючим, бляха, ладаном.

– Вот нам, неверующим, начальник заходить в церковь не запрещает. Ему по хрену. Но мы, поп, сами сроду туда не пойдём, чтобы последние мозги вы из нас не вынули. Не то, чтобы мы безмозглые напрочь, но и не кандидаты наук. Голову поэтому от всякой хреноты бережем. На работе без мозгов в момент руку на пилораме отчекрыжишь. А вот вы какого лешего дурите народ и не извиняетесь? Причём сами что хотите, то и творите. – второй мужик сделал шаг вперед.

– Тебе, поп, боженька не велит в пивную ходить? Не велит! Это ж не святое место. Поганое. Тут блюют и матерятся. Но ты, падла, ходишь. А поп должен сутками молитвы читать да на коленях ползать перед иконами. То есть не работать, а только креститься да бормотать молитвы ваши тяготные. А ты, сука, «Жигуль» жрёшь как после тяжелой физической работы, оскорбляешь этим и дуришь боженьку. Но он же святой. В него нельзя через плечо плевать.

– Я после работы – гражданское лицо, – улыбнулся Сухарев. – Хочу – бабу имею на столе в её кухне, хочу – пиво или водку пью. Могу Владимира Ильича читать. Ну, «Как нам реорганизовать рабкрин», например. Или на рыбалку могу поехать. Кто-то против, а?

– Рабкрин, сука! Ты чего тут балдеешь над нами? А, поп, долбаный твой лоб? – первый, главный, похоже, среди них, тоже подскочил вплотную. – Щас хлебальник тебе поганый порвём и хрен ты завтра бедолагам наивным псалмами головы мутить сможешь.

И он схватил Виктора за воротник лёгкой куртки. Размахнулся. После чего оторвался от земли, совершил недолгий полёт и упал довольно далеко от друзей да затих. Оставшиеся двое, видно, не поняли ничего и тоже кинулись наказывать попа, который бездельник и дармоед, но пьёт пиво как честный трудяга. Один из них даже кусок арматуры выдернул из-за пояса. Выступал Сухарев на ринге в полутяжелом весе, но за последний год поправился от снижения тренировочных нагрузок и весил слегка за сто килограммов.

Он сделал шаг вбок и двумя «крюками» слева и справа опустил ребят себе под ноги. Спортсмены от нокаута отходили обычно секунд за двадцать и, ковыляя, добирались до своего угла. Эти мужички не любили попов, но от этого спортивными не становились. Потому лежали мирно и дышали трудно. Просто не любили они церковников, поскольку бога нет, а эти козлы целыми днями молитвы читают, крестятся и дурят заблудшим головы. Бездельники хреновы.

В общем, постоял Сухарев над ними минут десять, покурил, потом собрал ребятшек в кучку, посадил на землю спинами к стене пивнушки, перекрестил их и пошел в гостиницу. На душе нехорошо было. Поступок-то в принципе натурально греховный. Господь велит любить всех как он сам. А Сухарев почему-то уже сколько лет пытается с любовью относиться к наглецам и дуракам, но не может. И потому не быть ему большим сановитым протоиереем никогда. Сам Господь его в этот сан и не рукоположит.

Утром он дождался настоятеля Автандила в ризнице и попросил.

– Прими покаяние моё, святой отец.

– Ты же мне говорил, что в Челябинске исповедовался и Господь отпустил тебе грехи через протоиерея Даниила.

– Я вчера сорвался. Нечаянно побил трёх работников лесопилки. В пивной. Вышел покурить после трёх кружек, а они оскорбили меня и церковь, да и религию вообще. И драться полезли первыми. Я оборонялся.

– Не пришиб никого? Ты же кандидат в мастера. Тяжелый вес. Не в рясу облачён был?

– Я что, нездоров на голову? – ухмыльнулся отец Илия. Вечером в свитере и куртке пошел пить пиво. В кепке. Господь не против пивка. Не грех это. А вот то, что я не сдержался и рукоприкладство совершил – плохо. Надо было уйти просто.

Автандил насупился – Оскорбили господа. Хоть и неверующие – негоже это. Любого человека оскорблять – от сатаны это. А хаять церковь, религию и Господа, не ведая ничего о вере и Создателе, – вообще глупость и хамство. Дурь в башке ещё можно принять мирно. Природа дала такой ум – сама глупца и охолонёт. А вот хамство требует наказания. Твоим кулаком Всевышний их наказал. То, что они атеисты – Господу безразлично.

Думаю, что тяжкого греха в поступке твоём нет, иерей. Покаяние твоё принимаю волею Господа нашего Иисуса и после него совет даю, как снять с души тяжесть. Вижу, что ты страдаешь даже от справедливого, но нелицеприятного деяния. Пойди поэтому в эту пивную. Это явно их второй дом. Там ты их точно найдешь. И извинись. Сгладь вину. Тогда станет тебе легче и душа успокоится.

Он покрыл склонённую голову Илии ладонью левой, а правой перекрестил его.

– Пойди, омовение сделай в купели. Лицо омой и руки. Причастись после того, – Автандил задумался. – Но епитимью я тебе, отец Илия, так назначу. Ибо хоть и мал твой грех, но впредь и его не следует повторять. Не к лицу нам, Божьим пастырям, срам на церковь кликать. Негоже. Стало быть, поклоны упорные и многие всем святым и Матери Божьей назначаю на месяц ежедневно по пять раз каждому лику, да ещё молитву Ефрема Сирина возле лика Иоанна Крестителя указываю читать двадцать раз в день весь месяц от сего дня. Но в первый раз мне её прочти немедля.

– Господи и Владыка живота моего, дух праздности, уныния, любоначалия и праздности не даждь ми. Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему. Ей, Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь.

Отчитал иерей молитву и поклонился Автандилу в пояс.

– Иди с Богом, – сказал настоятель. – Но не забудь перед побиенными тобой повиниться и прощения испросить.

– У меня ещё вопрос есть. Решаете его вы, отец Автандил, с Божьего позволения, – иерей подошел и внимательно поглядел в глаза настоятелю. – Вы знаете нашего трудника Цыбарева Георгия, какой после вынужденного запоя одумался и идёт к богу, живёт у нас на складе почти месяц и работает прилежно с дьяками по хозяйству, готовится к крещению и далее к исповеди. Грешен он, но добр и чист душой и помыслами. На работу, откуда его уволили за дружбу с Бахусом, я помог ему вернуться.

А причина запоя – жена от него ушла с дочерью. И он, разум потеряв, дом свой сжег, пытался потом умереть и мучается всеми этими поступками. Жену возвратить я помогу при

одобрении Господнем. Но некуда. Негде им будет жить. Может ли храм наш ссудить ему сумму на скромный дом? Он вернёт. На руднике в месяц более пятисот рублей зарабатывает. Наладить надобно жизнь споткнувшемуся. Он – хороший человек и вера его в Господа крепнет с каждым днём. Полезен Церкви такой прихожанин.

– Сколько надо? – спросил протоиерей. – Да только не рано ли бегом навстречу проблемам его бежать? Пусть ещё месяц- другой потрудится у нас чёрной работой, пусть смирение к нему через пот трудовой придёт. А в принципе – поможем. Божье это дело – заблудших на верный путь возвращать.

– Да сегодня и не нужны деньги, – отец Илия перекрестился. – Мы с ним для начала завтра поедем в Зарайск, с женой их попытаюсь воссоединить. Если примирю, да благословлю на новую жизнь – через месяц можно и строить начать. К новому году поставим. Будет им всем подарок. За семь тысяч рублей под ключ дом в сто пятьдесят квадратных метров можно поставить. Он всю зарплату будет отдавать каждый месяц. За одиннадцать месяцев рассчитается с долгом.

– Верю, – поднял глаза настоятель. – Тебе, Илия, верю. И спрос с тебя. Готов к такому раскладу?

– Да, – твердо сказал иерей. – Ручаюсь и ответ держу я.

– У нас пожертвований и даров денежных от неизвестных прихожан – сто сорок две тысячи. Я хотел рядом с храмом часовню поставить и лавку открыть. Иконы продавать, свечи, книги церковные, да кресты и цепочки, – Автандил поцеловал свой крест наперсный. – Но ради благого дела часовенку отстроим, а лавку откроем позже. Через год и откроем. Деньги возьмешь ты через месяц у протодиакона Никодима, казначея нашего под расписку. Я распорядюсь, чтобы выдал. Якобы на проведение совместного собора с Чебоксарской и Чувашской епархиями да на жертвоприношения их монастырям во благо.

Это нам самим для своего же отчета перед Митрополитом нашим Кириллом. Если потребует, конечно, что маловероятно.

Возьмешь деньги и сразу договаривайся с нашим СМУ-15 о строительстве. Потребные суммы частями по мере исполнения работ докладывай им на счёт в Госбанке. Наличными не давай.

Поговорили, помолились, переоделись в свитера, куртки и сапоги, да разошлись. Певчие остались репетировать, дьяки стали ремонтировать барьер и кандило – большой подсвечник перед крестом и иконой Христа в каноне, то есть в комнате, где молятся за упокой.

А Витя Сухарев в новом плаще, в кепке с длинным козырьком и высоких кожаных ботинках двинул в пивную. Эти трое вчера побитых торчали столбиками в углу пивнухи и отхлёбывали из кружек понемногу. Стояли ровно и молча. Видно, недавно пришли и окосеть пока не удалось.

Прислонился Сухарев к стене возле прилавка раздаточного, на котором красовалось штук тридцать мытых кружек, торчал из прилавка высокий кран, от которого к бочке позади Анвара-пивника снизу тянулся шланг. Анвар открывал кран, и подставлял кружку. Одновре-

менно включался компрессор и гнал пиво в кружку с весёлым напором. Отчего над посудиною сразу выростала шапка пены, слетавшая вбок на жестяной прилавок.

Очереди никогда не было. Анвар работал с невероятной скоростью и был похож на иллюзиониста. Вроде только одним пальцем шевелил и тут же ловко происходило целое событие. Пена слетала, появлялась новая, а пива в кружке и половины не было. И вдруг пивник незаметно шевелил пальцем, из крана не текло, а оставшаяся пена мгновенно превращалась в пиво, налитое доверху. Это был почти цирковой номер и Виктору нравилось каждый раз удивляться ловкости молодого сына кавказских гор.

В пивнухе, построенной десять лет назад, при закладке города, было два узких окна, двенадцать отлитых из железного порошка столов, обитых сверху жестью. На жести посередине лежала большая тарелка с резанным луком, стояли бутылочка с уксусом и две фаянсовых солонки. Одна с солью, другая с перцем. За столами стояли люди уважаемые. Они имели работу, хорошо одевались и всегда доливали в пиво «московскую» Для полноты ощущений.

Остальные – «бичи» без жилья, паспорта и работы ютились возле стен, да по углам. Они сливали из недопитых кружек пиво после тех, кто «отвалился» и домой пошел. Собирали со столов недоеденную рыбку сухую и торчали в заведении до закрытия. Ночевать шли на чердак школы, которая стояла напротив. Там и зимой тепло было. Топили её углем, через чердак на улицу высывались пять кирпичных горячих труб. Кроме «бичей» к стенкам жались безденежные. У кого рубли да копейки жены забирали после получки, кто-то жил дома, имел паспорт, но работы не имел. Кого выгнали за пьянку, кто не любил никакую работу и сидел до поры на шее у жены. Этим широким жестом угощали те, кто пил за столом. Жалели.

Между столами, запинаясь о ноги сидящих на полу «бичей» лениво лавировали две пятидесятилетние тётки в залитых пивом и заляпанных красным перцем бывших белых фартуках. Они ухитрились тремя разными тряпками подтирать на столах налитое, рассыпанное и прилипшее, орали на выпивающих, мешая их важным пьяным беседам. Потом они хватили швабры и носились с ними, отмывая заплёванный пол и освежая грязной водой обувь мужиков, отдыхающих от работы и трезвого дня. Им никто кроме Анвара не смел слова дурного сказать. Они поднимали такой хай с матом и швырянием в обидчика солонки или пригоршней лука, после чего Анвар вежливо выводил под руку обидчика тёток и убеждал его, что сегодня возвращаться уже не стоит. Уборщицы в пивной были так же почитаемы, как священные коровы в Индии.

Постоял так в тени Виктор минут двадцать и пошел к тем троим, от него пострадавшим.

– Привет. Узнали меня? – Сухарев пристроился на пустое место за круглым металлическим столом на гнутых ножках.

Мужички опустили головы и один, который главный, кашлянул два раза и сказал за всех.

– Ну. Узнали. Чё, добивать пришел? Так нам пока и вчерашнего хватает, -третий, толстый белобрысый паренёк с «фиксой» и в брезентовой рабочей безрукавке поверх зелёной рубахи, оттолкнулся от стола, убежал и через пару минут принёс от стойки полную, украшенную комком лопающейся пены кружку. Поставил её перед Виктором.

– Ты извиняй уж нас, – тихо сказал главный. – Кривые мы вчера были в дугу. Соображали туго. Так-то мы вообще мирные. Спокойные.

– Что церковь облаяли да Христа, так как раз сдуру. С дурмана пьяного, – добавил второй, рыжий и длинный. В хилой бородке его застряли кусочки вяленого чебака и обломки луковиц.

– Мы-то всегда слышали, что все попы хилые, засохшие от того, что сидят, молитвы читают да бога хвалят с утра до ночи, – третий, толстенький, вздохнул. – Ну и хотели пугнуть тебя. Читай, мол, молитвы, а сюда не шастай. Здесь бога нет. Тут его всем пиво заменяет.

– А как, извини, ты нас троих раскидал в три секунды? И зовут тебя как? Я вот Андрей, это Коля, а вот тот – Лёха. Алексей, – главный протянул Виктору руку, остальные тоже. После него.

А меня Виктором зовут. Фамилия – Сухарев. Это когда я переодетый в гражданские шмотки. Ну, то есть после работы. Понимаете, ребята, я не фанатик религиозный. Не шизанутый на религии. Просто – это профессия моя. Прадед, дед, отец тоже в Церкви работали. А в храме имя моё Илия. Священник, – Сухарев глотнул пива. – Это вы меня извините, что я руки распустил. Доложил потом начальнику, так он наказал меня. Избыточной трудной работой. Потому, что драться – грех это.

Не надо было мне. Так что – это вы меня извините, – Виктор ещё раз пожал всем руки. – А вышло так оттого, что вы Бога обидели. Не верите – дело ваше. Но церковь и Господь ничего плохого вам не сделали. Наоборот – он силы, надежду даёт. И телу, и чувствам, уму да разуму.

– Так это Боженька помог нас отделать как пацанят? – спросил Андрей и засмеялся.

– Почти так, – улыбнулся Виктор. – Господь ещё в детстве наставил меня на спортивный путь. И в двадцать пять лет я уже был кандидатом в мастера по боксу в полутяжелом весе. Выигрывал и республиканские турниры в РСФСР, и областные, в Челябинске. Там я родился и до шестьдесят пятого года жил. Работал в Никольском храме с отцом родным. А потом сюда перевели. Но здесь нет пока секций спортивных. Спортзал областной есть, а тренироваться некому. Тренеров вроде не хватает. Приедут, конечно...

– Бляха! Да со спортзалом наш директор договорится. Он умеет. Хоть секретаря обкома уболтает. Язык- золото! Как у Андрюхи вот этого – руки золотые. Мы ещё у себя человек десять желающих найдём. Будешь нас после работы тренировать? – без особых надежд спросил Лёха.

– Да с удовольствием, – улыбнулся Виктор. – Так и вы к нам приходите. В церкви – чистый дух. Добрый, полезный для здоровья.

– Мы и молитв – то не слышали никогда. В церкву никого даже ветром не задувало. Потому, что все говорят – нет никакого бога. В детском садике начинают убеждать, – хмыкнул Коля. – А что, он есть вообще? Ты-то точно знаешь?

– Конечно, есть. Иначе сатана давно бы жизнь земную испоганил до полного безобразия, а вечной жизни на том свете вообще бы не стало. Господь и с ним борется, и нам всем только добро делает. И мне, и вам. Вы этого не замечаете просто

– А придём если посмотреть, как там у вас, – нас не попрут из церкви? – настороженно спросил Андрей. – Рожи-то имеем не ангельские. Работой да питьём исковерканные. И на верующих не похожи мы. Кто верит, так они все тихие, робкие как бухгалтеры.

– Вера внутри. В душе. У нас два прихожанина – после Белорусского фронта. Три года воевали. Лица шрамами изуродованы. Смотреть страшно. А души чистые от веры, – Виктор сделал ещё три глотка. – Приходите, слушайте, смотрите, духом церковным насыщайтесь. Поверите – ну, и слава Богу. А нет – так это ваше дело.

Запомните, мужики – вера это личное, тайное. Никому об этом докладывать не надо. Но она даёт силы, покой, умение жить в ладу с собой и людьми. Это разве плохо? Но пить и курить, женщин иметь, гулять и развлекаться она не запрещает. И грехи Господь через меня может вам отпустить. Есть грехи-то, а?

– Хоть задницей ешь, – уточнил Коля.

– А если завтра придём и попросим тебя снять грехи наши? – Лёха уставился на Сухарева и суетливо доставал из пачки «беломор».

– Крещение пройдёте, тогда грехи на исповеди отпускаются, – Виктор поднял вверх ладонь. – А пока просто мне каждый про свои грешки расскажет, а я вам с Божьей помощью подсоблю. Советы его передам, как ваши «косяки» исправить.

– Дело говорит, – согласился Андрей. – Бывает тяжело на сердце. Наворотили-то за жизнь – я те дам! Мы придём. Только ты про нас никому. Узнают на работе – выгонят нахрен. Не любят наши начальники церковь. И бог, говорят, выдумка, чтобы людей пугать. То нельзя, это нельзя. Покарает, мол.

– А насчет тренировок по боксу мы точно договоримся и тебе скажем, – Андрей протянул руку. – Спасибо, что проучил нас, идиотов, за то, что мы тебя побить хотели. Попов почему-то ненавидели. Так с детства нас настроили.

– Ну, милости вам Господней! – сказал Сухарев. – И вы меня всё же извините. Не со зла я. Он пожал всем троем руки и ушел. Брёл в гостиницу и размышлял.

– Живём мы с виду хорошо. А в душу глянешь чужую – туго людям жить на свете. Каждый в бедах, заблуждениях или грехах по горло. Отсюда и бедность наша, и зависть к тем, у кого зарплата больше, должность выше, И жадных, злых много, все у них сволочи и дерьмо. Орут на ближних и дальних. Оскорбляют. Гневаются. Да... Но никто и думать не думает, что живут, грехами облепленные, как дно корабля ракушками. А отсюда и вся жизнь кривая, хоть коммунисты и говорят, будто советский народ – самый счастливый.

По мне, так народу бы не надо бояться коммунистов, да идти к вере, к Богу. Душа должна сама искать благодати. Так ведь нет. Большинству важно хорошо поесть, меньше вкалывать, но больше получать. Очень многим хорошо, когда кому-то плохо. И аж скулы сводит, когда кому-то лучше живётся. Зависть, блин. Подлая штука.

Зашел в пункт междугородних переговоров, сказал жене, что скоро уже квартиру дадут, а он соскучился по ней и дочери, любит и ждёт. Жена поплакала в трубку. Сказала, что тоже скучает и уже настроилась на переезд.

В гостинице Сухарев забежал в буфет, съел пару сосисок в тесте, запил двумя стаканами какао и пошел спать. Заснул быстро и как всегда увидел сон без видений. Только незнакомый приятный густой голос в этот раз всю ночь рассказывал ему о том, что есть такое воровство, неверность и предательство. Слова проплывали строчками перед глазами так, чтобы Виктор всё увидел, запомнил и понял. Как титры в кино при замедленной съёмке.

«Сон Сухарева в ночь на двадцать первое октября 1965 года в Красном городе»

«– Есть такая профессия – вор. Работа такая. Кормит плохого человека, но не более. И удовольствия от присвоения себе чужого такой вор не испытывает. То есть психологически

он равнодушен к тому, что тайно забирает чужое. Такого вора украденное просто снабжает необходимым для сносной жизни. Отвратительно и это, конечно.

Но как бы ни ругать таких воров – ловких профессионалов, сравнить их с теми, кто крадёт ради удовольствия, получая реально физическое наслаждение, почти оргазм – невозможно. Воровство как процесс наслаждения можно сравнить с алкоголизмом. Человек теряет над собой контроль и становится зависимым от удовольствия, какое даёт ему быстрая и легкая нажива.

И уж если алкоголизм мы стали считать болезнью, то и к воровству- удовольствию следует относиться также. А вообще, любая зависимость от какого-либо вида удовольствия, при которой человек теряет над собой контроль – это болезнь. Больной человек редко способен сам себе помочь. Зато навредить, а в первую очередь предать, может легко, с тем же удовольствием. Вор – получающий удовлетворение от кражи и предатель, который тоже с удовольствием обманывает того, кто ему полностью доверился – это одно и то же. У вора, получающего удовольствие от кражи – сердце предателя. И при первом удобном случае он им становится.

А кто предает? «Преданные» люди в первую очередь: любимчики, ученики, сотрудники, подчиненные и все те, в кого вы вложили душу, силы, время и деньги. Закономерность здесь такая: чем больше благодеяние, тем сильнее предательство.

Распространено предательство повсеместно. Практически каждый испытал его на себе. Предавали то дети, то родители, то друг, то любимый ученик.

Если предавший получает удовольствие от того, что он предал и стал значительнее, выше обманутого, то он, конечно, вор. Он украл самое ценное, духовное – веру в него, доверие, уважение и любовь. Только вот любое предательство не надо путать с отступничеством.

Отступничество, это всего-то отказ от общения с прежде близким тебе человеком или группой людей. Апостол Петр трижды отрекался от Христа, но пользуется уважением до сих пор. Иуда предал Христа только один раз, и этот поступок стал символом предательства.

Подробно грех этот описывается в «Божественной комедии» Данте. В девятом круге в четырех рвах мучаются предатели. В первом рву, который он назвал по имени Каина, убившего своего брата Авеля, маются в страданиях предатели родных, во втором рву – предатели родины и единомышленников, в третьем – предатели сотрапезников, в четвертом – самые гнусные предатели своих Учителей. Именно в этом рву корчатся от мук Иуда, Брут и Кассий. Они воры. Они украли самое ценное – духовную веру в совесть, порядочность и честь.

Предательство больно ещё и потому, что отнимает у вас иллюзию собственной исключительности. Описать эту иллюзию можно просто: «ничего такого не может случиться со мной, ведь это же я!». Крах этой иллюзии ужасен. Оказывается, «такое» случиться может и с тобой, таким уникальным и неповторимым. И теперь нужно мстить? Или что делать?

Мсть не поможет. Она совсем не отменяет того, что сделали вам. А поэтому вы всегда в толпе обманутых. Подумайте: что же вы сделали такого, что заставило близкого человека столь ужасно вам навредить? Стало быть, были причины? А когда найдете ответ, попросите прощения за свою долю неправильного, которое спровоцировало предательство. Вам обязательно станет легче. И сами простите вора для спокойствия вашей совести. Для него и так уже готова кара Высших сил. От неё ещё никто не смог спрятаться...»

Очнулся Виктор Сухарев когда светало. Сон запомнил весь слово в слово.

– Интересно всё. Полезно – несомненно. И, главное, я могу пересказать этот текст как свой. Но кто же мне его во сне диктует? Ну, не Господь же. Зачем я ему? У него весь мир под ногами. И то он, всемогущий, и сам-то выправить его толком не в силах. А может, это моё личное сознание со мной говорит во сне? Оно же наяву не свободно. То одно, то другое... Всё требует сперва думать, а потом делать. Но почему эти философские словесные видения начались только здесь, в Красном захолустном городке Кызылдале? Странно. Да...

Он умылся, оделся и уже почти ушел в буфет, где кефир и сладкие булочки, но в дверь постучали. На пороге стоял Жора Цыбарев.

– Случилось что-то? – спросил Виктор.

– Ты же обещал, что сегодня поедем утром в Зарайск мою жену уговаривать вернуться. Ну, ко мне, блин. Ну, точнее – помирить нас обещал. А потом, если помиримся, и дом построим, да заберу их.

– А чего ты ночью не припёрся? Пошли бы да посидели часа четыре на холодке. Кайф бы получили. И здоровья бы прибыло-прибавилось.

– Нет терпежа, – Георгий приложил ладонь к сердцу. – Я билеты купил на автобус. В девять отправка.

– Блин! – всё, что смог ответить Сухарев. Поскольку Жору глубоко понимал. – Пошли позавтракаем. А то пустое пузо голове не помощник. Не того ещё наговорим. Пошли.

После буфета хорошо стало. И никто из них двоих уже не сомневался, что сегодня семья Цыбаревых восстановится. То есть в мире совершится ещё одна чудесная справедливость.

5. Глава пятая

С этой замечательной мыслью о восстановлении семьи Георгия вышли они из гостиницы и сразу попали под лениво начинающий своё гадкое дело степной дождь при ветре с севера. Означало это, что пробежка до автовокзала пробежкой уже не будет. Через пять минут прилетит мокрая красная пыль, добавится к той, которая уже была, расквасит частыми мелкими каплями тротуары и дороги, превратит их в хлюпающее месиво и начнет стекать по стенам домов вязкой жидкостью, похожей на кровь. А до автовокзала надо будет уже стараться успеть доползти. Рейс на Зарайск в связи с переменной погоды никто отменять не будет.

– У меня вторые сапоги есть. Размер ног у нас одинаковый, – Виктор схватил Цыбарева за локоть и потащил его на третий этаж. Переобулись. – А вот плаща-накидки брезентового нет у меня. Доползём?

– Не в первый же раз, – отозвался Жора. – Успеем. Ещё час в запасе.

– Едете куда-то? – спросила дежурная по этажу. Потому, что одеты оба были в выходные костюмы и сумку большую спортивную несли вдвоём. Там лежали две пары туфель на толстой подошве да подарки для жены Георгия Татьяны – отрез шерстяной на красивое синее платье и Машке, дочери шестнадцатилетней, купил Жора набор серёжек с разными камнями. От бирюзы до граната.

И большую коробку ещё вёз он обеим в Зарайск с прибалтийскими латвийскими духами и мылом «Dzintars». В горкоме партии Кызылдалы на первом этаже был маленький магазин. Жора попросил своего приятеля, инструктора горкома, купить. Самому туда не пройти. Милиционер на входе завернёт обратно. А приятель был хороший. Они на рыбалке пару лет назад познакомились и общались иногда.

– В Зарайск. Через час автобус, – на ходу ответил Сухарев.

– Тогда вот палки лыжные мои возьмите, – дежурная метнулась в свою комнатку. – Я на сутки заступила, а утром завтра муж на машине в рейс едет. Заскочит, меня домой отвезёт.

– Так мы их потом как вернём? – остановился Жора. – Не шарахаться же нам с палками по городу. Не поймут. Можно в автобусе оставить, но потом именно на нём же и уехать. Если получится.

– Скажете шоферу. Сергей его зовут. К нам и в Зарайск один автобус ходит пока. Пусть на нашем автовокзале оставит в милицейском опорном пункте. А муж, Гена, заберёт по пути. Он на трассу всегда как раз мимо едет. Дежурная Валентина Андреевна сунула палки в большую ладонь Сухарева. – Без них по глине мокрой вы не успеете за час. А с палками даже я, толстая, не опоздаю.

Посмеялись. Слегка поругали грязь, глину из руды бокситовой. Потом Валентина Андреевна пошла чай заваривать, а Сухарев с Георгием рванули на автовокзал. Каждому досталась одна палка. И если её воткнуть в землю чуть впереди себя, потом подтянуться, оттолкнуться, то быстрое скольжение метра на три тебе обеспечено. Без палки – это продвижение вперёд на метр максимум. Шагать уверенно, выдергивая сапог из липучки и дожидаясь пока кусок

липкой грязи отвалится, а потом перемещать эту ногу на полшага и ту же операцию творить с другой ногой в тяжелом сапоге – это же вполне изнурительное занятие. Пытка, точнее.

С палкой лыжной плыть по клейкой размазне было очень удобно. Многие в городе без замечательного инструмента лыжников при дожде на улицу не выходили. Смешно со стороны смотрелось это экзотическое передвижение. Нигде в Казахстане таких красных рудников не было, и грязь являла собой грязь, а не адскую смесь клейкой пыли, воды, песка и срезанного ножами грейдеров верхнего слоя почвы. По другому город бы тут не поставили. Надо было степную траву вырезать с корнем, а потом засыпать песком и прикатать.

Но про период дождей архитекторам никто, видно, не доложил и о северном мощном ветре, уносящем с карьеров красную рудную пыль, тоже. Народ свыкся и с этим неудобством. А и как не свыкнуться? Никого в Кызылдалу пинками не гнали. Все ехали подальше от цивилизации, имея всякие причины спрятаться подальше. Кого-то начальники отправляли во спасение. Хорошие люди как-то ухитрялись влипнуть в очень некрасивую историю, чреватую при лучшем раскладе большим понижением по службе, а при худшем – судом и сроком. Были желающие побольше заработать за счёт добавок «за вредность» и «степные». Их называли комсомольцами. Вроде бы как, энтузиастами. Но они не выигрывали большинством.

В основном случайно натыкались на затерянный в степях и прописанный далеко не во всех картах городок алиментщики да разругавшиеся с родней нормальные мужики и женщины. Мелкие нарушители закона смывались удачно от следствия и суда. Искать их в Кызылдале ни одному умнику не пришло бы в голову. Остальных специально направляли. Обкомовцев, работников горкома, исполкома, профсоюзов. Специалистов разных профессий, ну, и, сами уже знаете – священнослужителей. В общем, здесь не было почти никого, кому на прежнем насиженном месте жилось хорошо и безопасно. Кроме партийных и советских чиновников, которых посылали в Кызылдалу на пересидку перед повышением. Ещё три года назад ни обкома, ни Дворца профсоюзов, кинотеатра, универсама и церкви тут не было. Как, собственно, и верующих. Народ атеистически пересиживал здесь положенное время, становился денежным и закалённым, после чего либо возвращался в места родимые, либо взлетал на окрепших крылах и уносился в большие города.

Доплыли к автобусу Сухарев с Георгием за пять минут до отправления. Помыли сапоги в большом корыте, которое всегда возил с собой шофёр и плюхнулись на заднее сиденье. Пустое.

– О! – обрадовался Жора. – Можно лечь и вздремнуть по ходу движения.

– Это вряд ли, – сказал Виктор. Он ехал в Кызылдалу, когда было сухо. И то вздремнуть кочки и пробоины не давали. А по мокрой, не пойми из чего сделанной дороге, проехать почти пятьсот километров без приключений, не имея даже малого отдыха для расслабления мускулатуры, и притом всё же докатиться до Зарайска – вообще сама по себе большая удача.

– Интересно мне, – Жора глядел в окно. С него стекало столько воды, что виден был только свет утренний да само стекло, вздрагивающее от очередного налёта ветра с миллионами капель. – Плохую погоду, ветры бешеные, дожди как из ведра, солнце, которое жжёт живое и неживое, колотун в феврале под сорок с минусом, метели, при которых сиди дома, не гуляй, тоже Бог нам посылает?

– Ну а кто ещё? – засмеялся Виктор. – На небе больше никого. Он да ангелы его. Сатана, не у нас, правда, землю трясёт, вулканы открывает. Из ада лишний расплав огненный спускает как через клапаны. Погода такая – нам испытание. Господу нужны крепкие люди с крепкой верой в себя и в него. А без испытаний человек как одуванчик. Ветер дунул – и развалился он на пёрышки. Это я символически сравниваю. Не выдержавший испытаний господних – это человек пропащий для жизни. И жизнь его коротка, и толку от его жизни – ноль. А больше, чем можешь выдержать, Бог тебе нагрузки не даст. Не бойся. Что бы ни стряслось, молись, проси у него помощи, но из последних сил сам всегда борись до победы.

– Вот же падла – жисть! – согласился Цыбарев. – Но он мог бы сразу производить крепких людей, чтобы они всё могли. И жили тихо-мирно без проблем и бед. Он же может. Чего, бляха, мучит народ?

– Жора, ты слово «прогресс» слышал? – первая серьёзная промоина на дороге подбросила обоих почти до потолка. Сухарев оттолкнулся от него и чётко упал на своё место. Жора таких хитростей не знал и вернулся из полёта на пол. Похлопал себя по пострадавшей заднице, обматерил яму и плюхнулся на сиденье. – Так вот главный двигатель прогресса – Бог. Ну, были бы мы все

одинаково умные и бронированные. Сделали бы, кто что может, и валялись бы на диванах потом полусонные. Делать-то больше нечего. Всё готово. И тишь кругом, гладь и Божья благодать. Всё. Жизнь замерла, застыла.

А он видишь как сделал! Все разные. Одни других догоняют. Хорошие лучших желают обогнать. Испытание преодолевают одно и то же все по-разному. Добиваются своего. Двигут вперёд всё только через проблему преодоления. Себя, трудностей, непонимания. Учатся, узнают как и что, делают. Короче – борются. Результатов в борьбе два всего. Победа и поражение. Победил – это уже вклад в прогресс.

– Это ты про меня всё? – спросил Цыбарев. – Я иду к прогрессу? Борюсь ведь.

– А то! – улыбнулся Виктор – Ты бы уже «бичевал» кабы не Господь. Он тебя из пропасти пьянства выдернул. Но, вдумайся, так он это сумел обставить, будто ты сам силой воли прищёпнул в себе алкаша. Сам! И жену вернёшь сам. Я только помогу при милости Божьей. Денег через меня на дом ты сам пробил? Сам. Я только подсобил маленько. Дом со СМУ-15 вместе будешь строить? Будешь. На руднике ты за месяц – победитель общего соцсоревнования. Я узнавал. Пятьсот девяносто рублей раньше получал?

– Нет, падла-жисть, не получал, – почесал затылок Георгий.

– Так есть прогресс у тебя лично? – Виктор похлопал его по плечу. – Есть!

Он потому есть, что были, да не пропали испытания и ты их по очереди осиливаешь. Каждое. Так и дави вперёд и вверх с Божьей помощью.

– А крещение скоро моё? – тихо спросил Жора. – Бог ближе будет, так я любую трудность ломану через колено.

– Куда так торопишься? В кино опаздываешь? Работай на руднике и в церкви. Молитвы учи. Новый и Ветхий завет читай. Всем святым дань отдай молитвами. И потом точно расскажешь мне сам – в чём смысл крещения. Это не подарок, скажу я тебе, не облегчение жизни. Это тоже испытание, но самого высокого достоинства. С милостью божьей, Верой да крестом

освященным и благословенным ты ближе к Господу. А потому сил и разумения он будет давать тебе больше. Тоже прогресс. Я скажу, когда тебе крещение принять, не забуду.

Километров сто проехали хоть и медленно, зато без остановок. Но после придорожного посёлка Карагоз с дорогой стали происходить опасные чудеса. Никакого карьера близко не было, а дождь здесь тоже летал с ветром под ручку. Но это ладно. Земля без бокситовой пыли тут тоже почему-то была скользкой как лёд и липкой, похожей на жидкую смолу. Автобус стало таскать с правого края на левый, разворачивало поперек движения. Шофер оказался грамотным и находчивым.

Не боясь соскочить в кювет, он дергал машину мелкими рывками и как-то снова ставил её носом на центр бывшего шоссе. Колыхаясь, двигаясь юзом и ныряя разными колёсами в мелкие ямки, автобус прошел ещё километров десять и, чего не ожидал сам водитель, внезапно воткнулся в продольную промоину, накренился вправо и забуксовал. Дергал его Сергей назад и вперёд, потом взял сбоку от сиденья ведро с золой и высыпал её под переднее колесо. Машина вроде бы стала выкарабкиваться, но потом скатилась обратно и заглохла.

– Вот, мля! – обиделся шофер. – «ПАЗик» – это ж почти вездеход.

Ну, ты и дурак, – сказал он автобусу, – какого пса ты сюда врехался? Места тебе мало на дороге?!

Постояли. В салоне было шестнадцать человек. Семь мужиков и одиннадцать хорошо одетых тёток. Мужики закурили. Женщины моргали глазами, продолжали грызть семечки, плохо соображая, что случилось.

– Попробую ещё раз, шофер завёл движок. – Не выдерну – толкать надо будет. Иначе тут и заночуем. Кроме меня, рейсовика, ни один придурок сегодня сюда не сунется.

Он ещё минут десять выбивался из сил вместе с «ПАЗиком», потом повернул ключ зажигания и плюнул в окно. Говорить ничего при дамах не стал.

– Ребятунки! – сказал Сергей, шофёр, после недолгих раздумий. – Я часто перечитываю Ильфа и Петрова. Они написали много умных крылатых фраз. Вот одна. «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих!» Надо выковыриваться. А то здесь дня три проживём. А тут вокруг только волки и сурки. Коршуны сверху, гадюки в траве. По малой надобности – и то страсть выходить. А по большой – считай погиб от укуса в... Или гадюка клонет, или тарантул. В худшем варианте – одинокий волк, не жравший три дня, откусит малость. Короче – толкаем телегу. Давайте, мужики.

– А мы что, хуже мужиков? Я в столовой работаю. Пятидесятилитровую кастрюлю с гороховым супом одна переносу с плиты к раздаче, – обиженно крикнула розовая тётка в габардиновом осеннем пальто. – Да и мужиков, вас, то бишь, рожали не члены политбюро. Мы, бабы! А тут сила нужна, чтоб родить. Ну, чего вам рассказывать? Так что и нас выпускай.

Стали толкать. Шло туго. Ноги было переставить трудно. Подошвы ботинок как гвоздями кто-то приколачивал. Пока оторвёшь ногу, пока другой упрётся в почву – половины сил как не было. Оставшиеся мощности помогали автобусу продвигаться по колее со скоростью три метра в час. Сухарев и Георгий обосновались в самом ответственном месте. Возле заднего бампера.

– Давай! – орал водителю мужик, который давил вперёд правое крыло, держась за ручку двери. Женщины облепили автобус с боков и прихватили дно автобуса снизу.

Они почти в лежачем положении жали массой тел на кузов, а ногами пытались отталкиваться от жижи. Рядом с Григорием пристроился ещё один молодой парень в плаще и кирзовых сапогах.

– На кирзе подошва как протекторы на «ЗиЛу», – показал он подошву. – Да, такой можно отталкиваться и от грязи хоть неделю. А толкали автобус всего каких-то полтора часа.

В нужный момент Сергей дал газу и автобус как с цепи сорвался. Подкинул зад и, бешено вращая колёсами, пополз из ямы, медленно выравнивая правую сторону. Шофер стал сигналить, а это значило, что дело сдвинулось к победе над стихией. Все поэтому радостно заверещали:

– Пошла, мать её!

Из-под задних колёс жирными жидкими пластами полетела порода с водой. Она частично улетала на дорогу, а частично устраивалась на выходной одежде Сухарева, Цыбарева и незнакомого парня. Автобус странно взвизгнул, правая сторона его выпрыгнула из ямы и он рванул вперёд, выстрелив из-под шин последним залпом грязи.

В этот раз она взлетела высоко, на фоне солнца утреннего комки отливали радужными цветами. А те, что летели как растрёпанные пули на уровне голов мужчин в красивых одеждах и ниже кепок да причесок, вlepялись в волос, лица, в белые рубашки и галстуки, болтались ошмётками жирными на расстёгнутых плащах, зависали уродливыми серыми кляксами на бостоновых костюмах, изменили цвет брюк и всего одеяния до неузнаваемости.

Остановились ребята. Закурили, стёрли со лба грязный пот. Они молча разглядывали друг друга. Без выражения, но внимательно. Думали, конечно, о том, что стихию обыграли, хорошее дело сделали за полтора часа всего и об одежде думали. Все ехали по делам или в гости. Потому надели всё лучшее. Сверху – сбоку, с севера, холодный ветер продолжал гнать холодный дождь наискось. Через пару минут следов битвы людей с природой уже не было видно. Все следы борьбы за освобождение автобуса залило водой и гладь её скрыла все ямы да мелкие бугорки.

– Слушайте, люди! – крикнул всем Цыбарев Жора. – Раз мы все такие изгаженные непогодой и грязью, давайте полчаса постоим под дождём. Если правильно крутиться вокруг своей оси, то вода с неба под давлением ветра нам все шмотки отстирает! А?

– Простынем и сдохнем в Зарайской больничке. Если живыми туда доедем, – сказала красивая женщина, но грязная как «бич», года два живущий на свалке в коробке из-под запчастей, добротнo смазанных солидолом.

– Чтоб не простыть, надо бегать. И одежда постирается быстрее, – предложил мужик лет пятидесяти с золотыми часами, которые он снял и глядел под стекло – не попала ли туда хоть капля. Лицо было довольное. Значит, уберёт часы.

– Ну да, ты пробегги хоть пять шагов, – засмеялась тётка-повар. – Попробуй. Сковырнёшься, рухнешь пластом в это месиво. Ну и сверху сам на себя грязи кинешь, когда свалишься пластом.

– Пошли в автобус, – сказал Сухарев. – Сергей печку включит и мы до Зарайска сухие будем. Только грязные. Поэтому предлагаю всем сразу поехать в ближайшую химчистку. Там всегда есть комната, где мы сможем подождать, когда почистят и погладят.

– Все вместе будем сидеть в трусах и пялиться друг на друга? – засмеялась красивая женщина.

– Нет. Закроем глаза и будем дремать, – Виктор пошел к шофёру: – Серёжа, печки все вруби.

До Зарайска ехали весело. Рассказывали анекдоты и пели песню, которую в стране знали все. Песню «О тревожной молодости», которую выучили с её рождения, с пятьдесят восьмого года.

Забота у нас простая,
Забота наша такая:
Жила бы страна родная, —
И нету других забот.

И снег, и ветер,
И звёзд ночной полёт...
Меня, моё сердце
В тревожную даль зовёт.

Пока я ходить умею,
Пока глядеть я умею,
Пока я дышать умею,
Я буду идти вперёд.

– Пахмутова. Ошанин. Какие талантливые у нас в СССР люди есть! – подвела итог путешествия повариха. Потому, что въехали в Зарайск.

До быткомбината я вас довезу, – крикнул от руля Сергей. – Химчистка слева. Синяя дверь. Табличка есть, не перепутаете.

– Спасибо! – Сухарев снова подошел к водителю. – Ты палки лыжные в Кызылдале у дежурного милиционера не забудь оставить. Их заберут.

– Угу, – ответил шофер и все пошли в химчистку, где выяснилось, что одежду можно забрать только через три дня, поскольку очередь. Работы много, пропади она пропадом!

Все высказались в меру своей воспитанности и разошлись.

– Мы в церковь пойдём. Я там знаю протоиерея. Дадут нам рабочую одежду. А трудницы нам всё постирают и возле печи высушат, да погладят после всего. К вечеру будем как манекены с витрины Челябинского ГУМа.

– Не был в Челябинске, – сказал Жора. – Но не сомневаюсь.

И они, грязные как профессиональные побирушки-оборванцы побежали окольными дорожками в Зарайский Никольский храм.

– Витя! Сухарев! Отец Илия! – узнал его протоиерей и настоятель Церкви отец Димитрий. – Спаси Христос!

– Во славу Божию! – откликнулся на приветствие Сухарев, а Жора просто перекрестился и поклонился.

– Вы никак пешком добирались из Кызылдалы? – настоятель потрогал мокрый и пятнистый плащ Виктора. – Я позову трудниц Настасью и Марию, они всю одежду приведут в порядок, а вы идите в комнату для гостей, переоденьтесь там в халаты махровые. Антон, дяк наш, проводит и чаем напоит. – Отец Антон, поди к нам!

Подбежал молодой дяк, тоже поздоровался «Во славу Божию!» и застыл в поклоне. Протоиерей ему всё объяснил.

– Ну, ступайте с Богом. – настоятель перекрестил всех троих. – Дела сделаете, так вечером возвращайтесь. У нас заночуете. На Кызылдалу автобус завтра в семь вечера. Идите с Богом.

Жоре и Виктору хотелось спать. Устали. А до того, как прибежали в храм – бодрость из обоих наружу выплёскивалась. Хоть неимущим раздавай.

Переоделись они, чаю по две кружки употребили с мёдом и баранками.

– Отдыхайте на диванах, гости дорогие, – трудница Настасья кинула на диванные валики по пуховой подушке и тканому пледу. Часа через три принесём всё отстиранное и поглаженное.

– Спаси вас Христос, – поблагодарил трудниц Виктор. Женщины бросили одежду выходную в огромный таз, поклонились и ушли.

– Я сплю на ходу, – зевнул Георгий.

– Меня тоже клонит к дивану, – улыбнулся Виктор. – Хорошо мы с тобой попутешествовали.

Они легли в халатах, головы провалились в пух гусиный, утонули в подушках и отключились от тел и церковной благодатной тишины.

А вечером, когда люди включили в домах своих и государственных квартирах электролампочки, когда сделали улицы светлыми большие пятисотваттные фонари на серебристых столбах да в приоткрытые форточки

диктор центрального телевидения стал громко рассказывать о новых трудовых победах советского народа за сегодняшний день, остановились Цыбарев и Виктор возле пятиэтажки под номером сто тридцать два на улице имени Чкалова. Здесь в восьмой квартире на третьем этаже жили жена Георгия Татьяна и дочь Машка.

– Может, с утра лучше? – испуганно спросил Жора. – Вечером после работы Танька всегда сердитая. Клиенты задалбливают. Дамский парикмахер – специальность опасная для здоровья. Тётки к дорогим парикмахерам ходят вредные, капризные. Давай завтра с утра, а?

– Утром ей собираться на работу, дочь в школу отправлять. Спешка, нервы. Лицо косметикой облагородить – полчаса минимум. Позавтракать надо успеть. А тут мы с большим трудным вопросом. Самый подходящий момент, – Сухарев нежно ткнул Жору огромным кулаком в грудь. – После работы она расслабилась. Целый вечер впереди. Телевизор. Может она картинки крестиком вышивает или про любовь читает литературу. Нет. Идём сейчас. Бог в помощь.

На третьем этаже он трижды перекрестил восьмую квартиру, Георгия и сам осенил себя крестом один почему-то раз.

– Звони

Дверь открыла худенькая женщина лет сорока с большим слоем пудры на лице и туши на ресницах. С губ она не успела стереть коровавого оттенка помаду. Недавно, видимо пришла.

Белые крашенные локоны ложились на плечи широкими кольцами, на лоб падала до середины косая челка. Красивой назвать её было бы большим преувеличением. Голубые добрые глаза добавляли симпатичности, но не более. Обычная женщина с приятным взглядом. К таким не пристают на улицах и не заманивают в любовницы дорогими подарками. Таких – сотни и сотни тысяч. Любил её Георгий явно не за внешность. Значит, душа Татьяны или совпадала с его душой или была просто ему подходящей.

– Жора! – выдохнула женщина. Заметила Сухарева. – Здравствуйте... товарищ.

– Виктор, – слегка поклонился он.

– А что случилось? – она тронула Цыбарева за рукав отстиранного плаща. – Мы с Машей два последних месяца переводы от тебя получаем. Налаживаются дела? Спасибо за деньги. А правда, ничего не случилось? Я не ждала тебя. Мама с отцом живы?

– Живые все. Мы пройдем? – Жора перешагнул через порог.

– Да, что это я! – садитесь на диван. Конечно. Сейчас чай сделаю. Булочки сама пекла. Французские. Подождите на диване. Я быстро.

– Ну, чай никуда не убежит, – Георгий остановил жену у входа на кухню. – Мой товарищ и учитель помогает мне на верную дорогу вернуться, с которой меня пьянка снесла. И мы приехали с тобой посоветоваться и решить главный для меня вопрос.

– Мы просим вас вернуться. Я – священник Илия. Служу в церкви Кызылдалы. В мирской одежде я Виктор Сухарев. Георгий случайно, но уже давно пришел к нам в церковь и искренне раскаялся во всём дурном, что успел сделать за жизнь вам, семье и себе. Я немного психолог. Потому быстро разобрался в его сущности. Он прекрасный человек и любит вас.

Нашел он дорогу в мир добра и счастья. Сейчас ему в этом новом мире не хватает только вас и Маши.

– Я верю, – тихо сказала Татьяна. – Я тоже не могу без него. Плохо без Жоры. Без такого, каким он был до начала пьянства.

– Он боялся ехать к вам.– Улыбнулся Виктор. – Меня просил с ним поехать. А я чего согласился – то? Да потому, что легко и быстро его изучил. Жора – чудесный человек. А с Вами вместе и судьба семьи вашей будет снова светлая. Ведь была же?

– Была.– Вздохнула Татьяна.

Они говорили долго вдвоём. Татьяна и Виктор. Она – о своих чувствах к мужу, которые должны были измениться к худшему, но, удивительно, остались теми же. Только жалости добавилось. И страха, который обездвижил её разум. Татьяна тогда, два года назад, видела, как пропадает дорогой человек и очень испугалась. Она не знала, кого просить о помощи, а сама ничего не смогла. И сама до сих пор не осознаёт, не понимает, почему и для чего уехала. Чтобы не видеть медленной гибели близкого человека, наверное. Да, видимо, от страха.

– Это не грех, не предательство, – посмотрел на неё внимательно Виктор. – Это душевный шок. Он действительно одной ногой на том свете стоял. Но сейчас прошло время. Я ручаюсь за него: вам нечего больше переживать. Георгий снова тот, каким, наверное, был раньше. Мне так кажется. Не знаю, какой он был тогда. Но сейчас это простой, неглупый, порядочный, совестливый и добрый мужик.

Прошло четыре часа. Жора молчал, сидя в углу возле шкафа на корточках.

Потом пришла дочь. Цыбарев обнимал, целовал её волос, руки, глаза. С выражением детской радости на лице

Татьяна познакомила Машу со священником, коротко пересказала их беседу и спросила:

– Едем с папой домой?

– Я останусь после школы здесь. Буду поступать в педагогический, – сказала Маша твёрдо. – Отучусь – приеду. А ты езжай, конечно, когда захочешь. Человек же с папой приехал не обманывать нас. Он верующий. Священник. А они не имеют права обманывать.

Вроде и не так уж долго разговаривали, а оказалось, что уже и полночь. Татьяна уложила спать дочь, Виктора, а они с Георгием ушли на кухню. Говорить и думать.

– Мне про тебя всё рассказала Евграфова Наталья. Соседка наша. У неё мама в Зарайске. Она меня случайно нашла. Искала, где хорошо причёски дорогие делают. У племянника свадьба была. – Татьяна налила чай, потом вдруг охнула и засуетилась. – Виктор, может, не спит ещё? Позови его. А то наобещала булочек французских. А сама.... Вот же дура-то...

– Да пусть спит. Устал он. Со мной возится. Других дел полно, – Цыбарев усадил жену на стул. – Утром двойную порцию съест. Ничего. Давай лучше договариваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.